

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ПОСЛЕДНЯЯ МИССИС ПЭРРИШ»

КОГДА
МЫ
ВИДЕЛИСЬ
В ПОСЛЕДНИЙ
РАЗ

ЛИВ КОНСТАНТИН

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

Лив Константин

**Когда мы виделись
в последний раз**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

Константин Л.

Когда мы виделись в последний раз / Л. Константин — «РИПОЛ
Классик», 2019

ISBN 978-5-386-13769-4

У Кейт есть все, чего только можно пожелать. Богатое наследство, красавец-муж и умница-дочь, успешная карьера и прекрасный особняк. Все меняется, когда мать Кейт, Лили, находят жестоко убитой в собственном доме. Ошеломленная внезапной потерей, Кейт организывает похороны, но горе сменяется ужасом, когда женщина получает анонимное сообщение: «Думаешь, тебе сейчас грустно? К тому времени, когда я с тобой покончу, ты пожалеешь о том, что тебя тоже не похоронили сегодня». Кем бы ни был убийца, очевидно, что Кейт – следующая в его списке жертв... Издание второе, исправленное.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-13769-4

© Константин Л., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лив Константин

Когда мы виделись в последний раз

Liv Constantine

The Last Time I Saw You

© Harper Collins Publishers, 2019

© Сосновская Н. А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа компаний «РИПОЛ классик»,
2020

* * *

Пролог

Она вскрикнула и попыталась встать, но комната вертелась по кругу. Она снова села, тяжело дыша и пробуя справиться с головокружением.

Думай! Она поднялась. Ноги у нее стали как ватные. Огонь распространялся, он поглощал книги и фотографии. Она упала на четвереньки. Тяжелый дым заполнял комнату. Когда воздух так пропитался дымом, что стало тяжело дышать, она рванула вверх рубашку, закрыла ее краями рот и, кашляя, поползла к холлу.

– Помогите! – прохрипела она, хотя знала, что поблизости никого нет, и никто ей не поможет.

«Не паникуй!» – приказала она себе мысленно. Нужно было успокоиться и сберечь кислород в легких.

Она не могла умереть вот так. Дым уже стал таким густым, что она видела только на несколько дюймов вперед. Жар пламени неумолимо надвигался на нее. «У меня ничего не выйдет», – думала она. Дым больно щипал глотку, от жара пылало в носу.

Из последних сил она преодолела еще несколько дюймов и оказалась в холле. Голова у нее кружилась, но прикосновение холодного мраморного пола к телу было приятным, и она прижалась щекой к прохладной поверхности. Теперь она могла заснуть. Ее глаза закрылись. Все потускнело, а потом почернело.

Глава первая

Всего несколько дней назад Кейт гадала, что подарить матери на Рождество. Откуда ей было знать, что вместо подарка ей придется выбирать гроб. Она сидела в глухой тишине. Мужчины, несущие гроб, медленно приближались к дверям церкви, где собралось немало народа. Краем глаза Кейт заметила женщину. Это заставило ее повернуть голову, и она увидела ее. Блер. Она пришла. Она вправду пришла! И вдруг все стало совсем иначе – так, словно бы мать Кейт, ставшая жертвой жестокого убийства, вовсе не лежала сейчас в гробу. Иная картина предстала перед ней. Мать смеялась, ветер трепал ее золотистые волосы. Она держала Кейт и Блер за руки, и они втроем бежали по песку к океану.

– Все хорошо? – шепотом спросил Саймон.

Кейт ощутила прикосновение руки мужа к ее локтю.

Эмоции захлестнули ее, ком подступил к горлу. Она не в силах была вымолвить ни слова, поэтому просто кивнула. Она гадала, увидела ли ее сестра.

После службы долгая процессия машин, казалось, несколько часов добиралась до кладбища. А когда все прибыли, Кейт не удивилась тому, что люди широким кольцом окружили могилу. Кейт, ее отец и Саймон сели на скамью. Небо было ясным, и все же в воздухе время от времени кружились снежинки – вестницы близкой зимы. Спрятав глаза за темными очками, Кейт внимательно рассматривала каждое лицо. Оценивала, спрашивала – нет ли среди этих людей убийцы? Среди присутствующих на похоронах были незнакомцы – по крайней мере, Кейт этих людей не знала, а другие были старыми друзьями, которых она не видела много лет. Обводя глазами толпу, Кейт задержала взгляд на высоком мужчине и миниатюрной седой женщине, стоящей рядом с ним. Боль растекалась по груди Кейт, невидимая рука сжала ее сердце. Родители Джейка. Она не видела их со дня его похорон, а до нынешней недели его похороны были самым ужасным днем в ее жизни. Они стояли с каменными лицами и смотрели прямо перед собой. Кейт сжала кулаки. Она не желала позволять себе вновь ощутить такую же боль и вину. Но как же ей хотелось сейчас поговорить с Джейком, чтобы он обнял ее, а она поплакала на его плече.

Панихида у могилы, на счастье, была короткой. Когда гроб опускали в землю, Харрисон, отец Кейт, стоял неподвижно и провожал его взглядом. Кейт сжала его руку. Он простоял, не шевелясь, еще несколько мгновений. По его лицу нельзя было понять, что он чувствует. Он вдруг стал старше своих шестидесяти шести. Морщины около его губ стали еще глубже. Тоска вдруг с такой силой охватила Кейт, что она взялась за спинку складного стула, чтобы удержаться на ногах.

После смерти Лили в их жизни возникла немыслимая пустота. Она была крепким стержнем, вокруг которого вращалась семья. Она упорядочивала жизнь Харрисона, именно она управляла плотным расписанием их общественной жизни. Элегантная дама, продукт несметного богатства семейства Эвансов. Ее с раннего детства приучали к тому, что огромное наследство обязывает ее заниматься благотворительностью. Лили состояла в целом ряде филантропических организаций и возглавляла собственный благотворительный фонд – Семейный Траст Эвансов – Майклсов, который учредил гранты организациям, занимавшимся помощью жертвам домашнего насилия – взрослым и детям. Кейт много лет наблюдала за матерью, руководившей советом фонда, неустанно собиравшей пожертвования и даже лично помогавшей обустроиться на новом месте женщинам, приезжавшим в приют. Но при всем том Лили всегда была рядом. Да, за Кейт присматривали няньки, но Лили каждую ночь подходила к ее кровати и поправляла одеяло. Она никогда не пропускала школьных праздников, она утирала слезы Кейт и радовалась ее успехам. В чем-то быть дочерью Лили было даже немного страшно – настолько легко и изящно матери всё удавалось. Но двигала ею сила целеустремленности,

и порой Кейт представляла, что, закрывая за собой дверь спальни, ее мать наконец опускает плечи и становится не такой идеальной. Кейт дала себе слово: если у нее будут дети, она станет для них точно такой же матерью.

Кейт взяла отца под руку и вывела из-под навеса, где холодный воздух пропитался удушливым запахом оранжерейных роз и лилий. По другую сторону от Кейт встал Саймон, и они втроем пошли к ожидавшему их лимузину. С невероятным облегчением Кейт скользнула в темноту салона, как внутрь кокона, и выглянула в окошко. У нее перехватило дыхание, когда она увидела Блер, стоящую так одиноко, сцепив руки на груди. Кейт пришлось сдержаться – она была готова опустить окошко и позвать Блер. Они не виделись пятнадцать лет, а сейчас она смотрела на Блер, и чувство у нее было такое, словно они разговаривали только вчера.

До дома Саймона и Кейт в Вортингтон-Вэлли было совсем недалеко от кладбища, да и в любом случае не было мыслей устроить поминки в доме Лили и Харрисона, где она умерла. Отец Кейт не возвращался туда с той ночи, когда он обнаружил мертвое тело жены.

Когда они подъехали к дому, Кейт поспешила к парадной двери, опередив всех остальных. Ей хотелось заглянуть к дочери до того, как в дом войдут люди. Она быстро поднялась по лестнице на второй этаж. Саймон и Кейт согласились, что их дочурку, робкую пятилетнюю девочку, лучше побережь от психологической травмы, связанной с похоронами, но теперь Кейт хотелось ее проведать.

Лили была в таком восторге в тот день, когда Кейт сообщила ей о своей беременности. Она обожала Аннабел с момента ее появления на свет и уделяла внучке все свое время – без всяких ограничений, которые выпали на долю Кейт. Она смеялась и говорила: «Я ее разбалую. А тебе придется ее перевоспитывать». «Будет ли Аннабел вспоминать бабушку?» – подумала Кейт. От этой мысли у нее слегка закружилась голова, нога соскользнула с верхней ступеньки, и ей пришлось ухватиться за перила. Она направилась к детской.

Кейт заглянула в комнату. Аннабел радостно играла с кукольным домиком. На счастье, трагические события последних дней словно бы не коснулись ее. Кейт вошла. К ней обернулась Хильда, нянька Аннабел.

– Мамочка! – Аннабел вскочила, подбежала к Кейт и обвила руками ее талию. – Я по тебе соскучилась!

Кейт взяла дочку на руки и уткнулась носом в ее шею:

– Я тоже по тебе скучала, милая. – Она села в кресло-качалку и усадила Аннабел к себе на колени. – Хочу поговорить с тобой, а потом мы спустимся вниз вместе. Ты же помнишь, я тебе говорила, что бабушка ушла в рай?

Аннабел очень серьезно посмотрела на мать.

– Да, – ответила она, и у нее задрожала нижняя губа.

Кейт провела пальцами по кудряшкам дочери:

– Ну вот... Сейчас внизу много людей. Они пришли, потому что хотят сказать нам, как сильно они любили бабушку. Правда же, это очень хорошо?

Аннабел кивнула, широко открыв глаза и не моргая.

– Они хотят, чтобы мы знали, что они никогда не забудут ее. И мы тоже не забудем, верно?

– А я хочу увидеть бабулю. Не хочу, чтобы она была в раю.

– О, детка, ты обязательно увидишь ее. Обещаю. Настанет день – и ты снова ее увидишь. –

Кейт прижала дочурку к себе, пытаясь сдержать слезы. – А теперь давай спустимся вниз и со всеми поздороваемся. Они так хорошо поступили, что сегодня пришли побыть с нами. Ты можешь спуститься вниз, поздороваться с бабушкой и нашими друзьями, а потом вернешься сюда и будешь играть. Хорошо?

Кейт встала, взяла Аннабел за руку и кивнула Хильде, которая пошла следом за ними.

Внизу они были вынуждены пробираться через толпу соборезнующих гостей, но через пятнадцать минут Кейт попросила Хильду отвести Аннабел обратно в детскую. Потом она

стала ходить среди гостей сама. Она здоровалась с людьми, но от переживаний у нее дрожали руки, и дышала она неровно и неглубоко. Ей казалось, что толпа гостей поглотила почти весь воздух. Люди заполнили гостиную от стены до стены.

Ближе к дальнему краю комнаты плотным кругом стояла компания – Селби Хейвуд, ее мать, Джорджина Хэтеуэй и Харрисон. При взгляде на них Кейт ощутила ностальгию. Так много чудесных воспоминаний – летние месяцы на побережье с тех времен, когда они с Селби были маленькие. Они плескались на мелководье и строили песчаные замки, а их мамы болтали о том о сем. Джорджина была одной из лучших подруг матери Кейт, и они обе радовались тому, что их дочери дружат. Но это была не та дружба, которая связывала Кейт с Блер. Их с Селби подтолкнули друг к дружке матери, а с Блер они сами выбрали друг друга. Они накрепко сошлись с самого начала – так, словно между ними было какое-то особое понимание. Кейт могла всю душу раскрыть перед Блер, а с Селби такого у нее никогда не было.

Кто-то взял ее под локоть, и Кейт, обернувшись, оказалась лицом к лицу с женщиной, которая в юные годы была ей как сестра. Она упала в объятия Блер и разрыдалась.

– О, Кейт. Я все еще не могу поверить. – Горячее дыхание Блер коснулось уха Кейт. – Я так ее любила.

Через несколько мгновений Кейт отстранилась и взяла Блер за руки:

– Она тебя тоже любила. Я так рада, что ты здесь.

Глаза Кейт снова наполнились слезами. Было что-то нереальное в том, что она видела Блер у себя в доме после стольких лет отстраненности. Когда-то они так много значили друг для друга.

Блер почти не изменилась – ее длинные темные волосы лежали густыми волнами, зеленые глаза сверкали, и только тонкие лучики морщинок в уголках глаз намекали на то, что прошли годы. Блер во все времена одевалась стильно, а сейчас она выглядела так, словно принадлежала к иному, намного более гламурному миру. Ну конечно, ведь теперь она стала знаменитой писательницей. Волна благодарности захлестнула Кейт. Ей хотелось, чтобы Блер поняла, как ей важно, что она здесь, что она – часть прошлого Кейт, где обитало так много приятных воспоминаний, что она лучше всех подруг понимала горе этой потери. И вдруг Кейт почувствовала себя не такой одинокой.

– Для меня так важно, что ты здесь. Может быть, пойдем в другую комнату, чтобы поговорить с глазу на глаз? – робко спросила Кейт.

Она не знала, что ответит Блер, да и захочет ли она вообще говорить о прошлом, но Кейт смотрела на подругу, и именно этого ей хотелось сильнее всего.

– Конечно, – не раздумывая ответила Блер.

Кейт провела ее в библиотеку, и они сели рядом на пышный кожаный диван.

После небольшой паузы Кейт произнесла:

– Понимаю, тебе тяжело находиться здесь, но я должна была тебе позвонить. Огромное тебе спасибо за то, что ты приехала.

– Конечно. Я должна была приехать. Ради Лили. – Блер немного помолчала и добавила: – И для тебя.

– Твой муж здесь? – спросила Кейт.

– Нет, он не смог. Он путешествует, пишет новую книгу, но он понял, что мне нужно приехать сюда.

Кейт покачала головой:

– Я так рада, что ты приехала. И мама была бы рада. Она так переживала, что мы никак не помиримся. – Кейт скомкала бумажный платочек. – Я часто думаю о той ссоре. Какие ужасные слова мы друг другу наговорили.

Воспоминания завладели ею и наполнили сожалением.

– Не стоило мне спорить с тобой, когда ты решила выйти замуж за Саймона. Я была неправа, – сказала Блер.

– Мы были так молоды... и так глупы. Позволили нашей дружбе разрушиться из-за этого.

– Ты не представляешь, сколько раз я думала позвонить тебе и высказать все это, но я боялась, что ты просто бросишь трубку, – призналась Блер.

Кейт опустила глаза и увидела порванный на кусочки бумажный платок.

– Мне тоже хотелось тебе позвонить, но чем дольше я ждала, тем тяжелее было. Не могу поверить, что для нашей встречи должно было случиться убийство моей матери. Но она была бы рада увидеть нас вместе.

Лили ужасно расстраивалась из-за ссоры Кейт и Блер. Время от времени она заводила с Кейт беседу об этом и пыталась уговорить ее отправиться к Блер с оливковой ветвью.

Теперь Кейт сожалела о своем упрямстве. Она посмотрела на подругу:

– Не могу поверить, что больше никогда не увижу ее. Ее смерть была такой жестокой. Как подумаю, становится не по себе.

Блер придвинулась ближе.

– Это ужасно, – сказала она, и Кейт ощутила в ее голосе заботливый вопрос.

– Не знаю, много ли ты слышала об этом... Я старалась поменьше говорить с газетчиками, – проговорила Кейт. – Но в общем... в пятницу вечером папа пришел домой и нашел ее... – Голос у нее дрогнул, она сглотнула сжавший горло ком.

Блер покачала головой, но ничего не сказала.

Кейт продолжала:

– Она лежала в гостиной... на полу... А ее голова... Кто-то ударил ее по голове.

Кейт облизнула пересохшие губы.

– Полиция считает, что был взлом? – спросила Блер.

– Окно вроде бы было разбито, но больше никаких следов взлома.

– А версии у полиции есть – кто бы мог это сделать?

– Нет. Орудия убийства не нашли. Искали везде. Разговаривали с соседями, но никто не слышал и не видел ничего необычного. Но ты же знаешь, их дом стоит далековато от другого жилья – ближайшие соседи живут в четверти мили. Дознаватель сказал, что она умерла в какое-то время между пятью и восемью часами вечера. – Кейт судорожно сжала руки. – Мне невыносимо думать о том, что в то время, когда кто-то убивал мою мать, я занималась своими делами.

– Но ты же не могла знать, Кейт.

Кейт кивнула.

Она понимала, что Блер права, но это ничего не меняло в том, что она чувствовала. В то самое время, когда она наливала чай в чашку или читала дочери сказку на ночь, кто-то жестоко отнимал жизнь у ее матери.

Блер сдвинула брови и накрыла руку Кейт своей рукой:

– Она бы не хотела, чтобы ты так думала. Ты ведь это понимаешь, да?

– Я так соскучилась по тебе, – сказала Кейт и всхлипнула.

– Ну вот, я здесь.

– Спасибо тебе. – Кейт шмыгнула носом.

Они снова обнялись. Кейт так крепко ухватила за Блер, словно та была спасательным кругом, который не даст ей утонуть. Когда они выходили из библиотеки, Блер остановилась и вопросительно посмотрела на Кейт:

– Скажи, в церкви были родители Джейка?

Кейт кивнула:

– Я удивилась, увидев их там. Но сюда они вряд ли пришли. Думаю, просто хотели засвидетельствовать уважение к маме, а потом уехали. – У нее снова ком подкатил к горлу. – Не могу винить их в том, что они не хотят со мной разговаривать.

Блер хотела было что-то сказать, но только печально посмотрела на Кейт и обняла ее.

– Думаю, мне пора вернуться к гостям, – сказала Кейт.

День прошел как в тумане. После того как все ушли, Саймон удалился в свой кабинет – у него накопилась куча работы. Кейт беспокойно ходила из комнаты в комнату. Ей так хотелось, чтобы все поскорее ушло, чтобы день похорон ее матери закончился, а вот теперь в доме стало пугающе тихо, и Кейт казалось, что, куда бы она ни бросила взгляд, она видит то открытку с соболезнованиями, то траурный веночек.

Наконец она села в глубокое кресло в кабинете, откинула голову на спинку и закрыла глаза – устало и печально. Она почти задремала, но ее разбудила вибрация где-то рядом. Телефон. В кармане платья. Кейт вытащила телефон, прижала большой палец к экрану и на месте номера увидела надпись: «Неизвестный номер».

Кейт прочла эсмэс:

Какой прекрасный день для похорон. Так чудесно было наблюдать за тем, как твою мать опускают в землю. Твое красивое личико было все в красных пятнах и распухло от слез. А мне было радостно видеть, как твой мир распадается на части. Думаешь, тебе сейчас грустно? Погоди, погоди. К тому времени, когда я с тобой покончу, ты пожалеешь о том, что тебя тоже не похоронили сегодня.

Чья-то злая шутка?

«Кто это?» – напечатала она.

Ответ не пришел. Кейт вскочила. Ее сердце бешено колотилось. Она выбежала из кабинета, задыхаясь.

– Саймон! – прокричала она и бегом промчалась через холл. – Звони в полицию!

Глава вторая

Глубокая печаль наполняла сердце Блер, когда она ехала за длинной вереницей машин на поминки к дому Кейт. Невозможно было представить себе, что Лили мертва, а еще труднее было себе представить, что она убита. С какой стати кому-то было убивать такого доброго и милого человека, как Лили Майклс? Блер сдержала слезы, подступавшие к глазам все утро. Сжав руль, она вдохнула поглубже и велела себе сохранять спокойствие. Она довела машину по трехполосному шоссе до элегантного поместья Кейт и Саймона. Там ее встретил слуга. Блер остановила свой «мазератти», вышла и отдала ключи молодому человеку в спецодежде парковщика.

Каменный дом стоял на пригорке, под которым раскинулся зеленый луг. На лугу стояла конюшня с загонем. Эти места славилась лошадьми, здесь проводились знаменитые соревнования – Мэрилендский охотничий кубок¹. Блер не могла забыть солнечный день в мае, когда она впервые оказалась на этих скачках вместе с Кейт и ее родителями.

Охваченные радостным волнением люди толпились около машин и небольших торговых палаток, а они держались в стороне с букетами мимозы и ждали старта. Блер посещала уроки верховой езды на курсах для новичков в Мэйфилде, а Кейт, можно сказать, родилась в седле. Во время занятий Блер узнала о том, что собой представляют эти скачки, и вот теперь впервые своими глазами зачарованно следила за тем, как лошади с всадниками перепрыгивают через заборы высотой почти в пять футов. Лили в тот день была рада. Она застелила складной столик красивой цветастой скатертью и разложила угощения, которые привезла в плетеной корзинке для пикника. Она всё всегда делала с неподражаемым изяществом и элегантностью.

И вот теперь ее не стало, и Блер была лишь одной из множества тех, кто собрался помянуть Лили в доме Кейт и Саймона.

Блер так нервничала перед встречей со старой подругой, но стоило ей подойти к Кейт, волна прежних чувств сразу нахлынула на нее. Кейт даже отвела ее в сторонку, чтобы поговорить с глазу на глаз, и они смогли несколько минут вместе погоревать о Лили. И теперь, оглядываясь по сторонам, Блер видела, что дом такой же солидный, крепкий, как тот, в котором выросла Кейт, но все равно ей было непросто соединить образ беззаботной двадцатитрехлетней девушки с образом хозяйки этого импозантного, помпезного дома. Блер слышала, что Саймон, архитектор по образованию, сам разработал проект дома – так, чтобы придать ему исторический, старинный облик. Саймона возвращение Блер не должно было обрадовать, но его мнение ей было безразлично. Она была готова встретиться с другими друзьями, с которыми не виделась много лет, а Саймона она просто выбросила из головы. Распорядители проводили собравшихся в гостиную, где официанты на подносах разносили закуски и белое вино. Гостиная была огромная и очень светлая. Радостная, но не сказать, что уютная.

А вот возле входа в библиотеку Блер захотелось задержаться. Это было помещение высотой в два этажа, одна из стен была целиком занята высокими окнами. Другие стены и потолок, забранные панелями темного дерева, блестели в лучах солнца. Винтовая лестница вела на галерею, где, как и внизу, вдоль стен располагались стеллажи с книгами. Темный персидский ковер и обтянутая кожей мебель придавали библиотеке еще больше ощущения старины. Это было пространство, где читатель мог путешествовать во времени. Блер захотелось подняться по лестнице, провести рукой по деревянным перилам, затеряться среди книг. Но вместо этого

¹ Конно-спортивные соревнования, проводящиеся с 1894 года. Протяженность трассы – четыре мили. Задача участников – преодолеть полосу препятствий, состоящую из 22 бревенчатых заборов.

она пошла дальше по огромной гостиной, замечая высокие потолки с изящной лепниной в виде королевских корон и картины на стенах – явно подлинники. Примерно такие же картины Блер видела в доме родителей Кейт – с гладкой патиной старины и дороговизны. Деревянный пол из широких досок был покрыт колоссальных размеров темно-синим с голубым восточным ковром. На одном из углов ковра Блер заметила бахрому и несколько пятнышек. Это придавало ковра слегка потрепанный вид. «Ну конечно, – мысленно улыбнулась она, – наверное, этому ковра немало лет».

Она устремила взгляд на другой край гостиной. Около бара стоял долговязый мужчина. Внимание Блер привлек его галстук-бабочка. «Кто же надевает бабочку на похороны?» Она никак не могла привыкнуть к тому, как в Мэриленде обожали бабочки. Ну, в частной школе это еще туда-сюда, но когда ты взрослый мужчина – только по торжественным случаям. Блер знала, что ее старые подруги с этим не согласятся, но, на ее взгляд, бабочки годились только для Пи-Ви Хермана² или клоуна Бозо³. Но как только Блер разглядела лицо мужчины, ей все стало ясно. Гордон Бартон. Он был на пару лет старше ее и в школе таскался за Кейт как потерявшийся щенок. Он был странным парнем. Блер пугало то, что во время разговора он подолгу смотрит на нее. Ей приходилось гадать, что в такие моменты происходит у него в голове.

Гордон встретился с ней взглядом и подошел.

– Здравствуй, Гордон.

– Блер. Блер Норрис.

Тепла в прищуренных глазах Гордона не было.

– Теперь я Баррингтон, – сказала ему Блер.

Гордон вздернул брови:

– О, точно! Ты же замужем. Надо сказать, ты стала довольно знаменитой.

Гордон особо не интересовал Блер, но то, что он знал о ее литературных успехах, ей, тем не менее, было приятно. Он всегда был таким задавакой, всегда смотрел на нее сверху вниз.

Он покачал головой:

– Просто ужасно то, что случилось с Лили. Просто ужасно.

У Блер снова слезы подступили к глазам.

– Да, кошмар. До сих пор не могу поверить.

– Конечно. Мы все потрясены. В смысле – *убийство*. Здесь. Немыслимо.

Гостиная была наполнена людьми, которые пришли, чтобы выразить соболезнования Кейт и ее отцу, стоявшим у камина. У обоих был такой вид, словно они в трансе. У Харрисона лицо было землистого цвета. Он рассеянно смотрел в одну точку.

– Я еще не говорила с отцом Кейт. Прошу простить меня, – сказала Блер Гордону и пошла к камину.

Кейт окружила толпа гостей, а Харрисон широко раскрыл глаза, увидев Блер.

– Блер, – произнес он с теплотой.

Она шагнула к нему, и он крепко обнял ее. Она вдохнула запах его лосьона после бритья. Ее охватила горькая тоска по всем тем годам, что они не встречались. Блер отстранилась. Харрисон достал носовой платок, вытер лицо и кашлянул несколько раз. Только потом он смог заговорить:

– Моя красавица Лили. Кто же смог сотворить с ней такое?

Его голос дрогнул, и он поморщился, словно бы от физической боли.

² Пи-Ви Херман – персонаж телешоу и нескольких художественных фильмов в исполнении Пола Рубенса – американского актера-комика. Один из фильмов – «Большое приключение Пи-Ви» (1985) – наиболее популярен благодаря режиссуре Тима Бёртона.

³ Один из первых «страшных» клоунов, впервые появившийся на американском телевидении в 1959 году в «Цирке Бозо» и «Шоу Бозо».

– Прости, Харрисон. Словами не передать...

Его глаза снова затуманились, он отпустил руку Блер и комкал платок до тех пор, пока тот не превратился в тугой шарик. Блер не успела произнести ни одного слова, поскольку к ним подошла Джорджина Хэтеуэй. Блер стало не по себе. Она никогда не любила ни мать, ни дочку. От кого-то она знала о том, что Джорджина овдовела – Бишоп Хэтеуэй умер несколько лет назад от обострения болезни Паркинсона. Эта новость изумила Блер. Бишоп всегда был таким подтянутым, спортивным. Он был сложен как атлет-бегун. Он всегда был душой компаний и с вечеринок уходил последним. Наверняка для него стало пыткой смотреть, как иссыхает его тело. Порой Блер гадала, что он нашел в Джорджине, самовлюбленной почище Нарцисса.

Джорджина положила руку на плечо Харрисона, он обернулся, и она протянула ему тумблер⁴ с янтарной жидкостью. «Наверное, бурбон, – подумала Блер. – Харрисон его всегда любил».

– Харрисон, дорогой, это успокоит твои нервы.

Харрисон молча взял у Джорджины стакан и сделал большой глоток.

Блер не видела Джорджину Хэтеуэй больше пятнадцати лет, но та почти не изменилась – вне всяких сомнений, благодаря услугам искусного пластического хирурга. Ни морщинки на сливочно-белой коже. И прическа у нее была все та же – шикарная стрижка «боб», и черный шелковый костюм ей очень шел. Из украшений сегодня на Джорджине была только простая нитка жемчуга и обручальное кольцо с изумрудами и бриллиантами. Его она носила всегда. Она улыбнулась Блер, поджав губы:

– Блер, какой сюрприз видеть тебя здесь. Я не знала, что вы с Кейт поддерживаете отношения.

Она и говорила все так же, как раньше – как персонаж из фильмов сороковых годов, а в ее выговоре смешались британский английский и то произношение, которому учат девочек в частных школах.

Блер собралась ей ответить, но Джорджина уже повернулась к ней спиной, а лицом к Харрисону. «Смотри-ка, – подумала Блер, – она уже подбивает клинья к Харрисону». Но ей хотелось верить, что Харрисону хватит ума не заводить интрижку с Джорджиной.

Первый раз Блер побывала в доме Селби в жаркий июньский день в конце восьмого класса – Кейт уговорила пойти с ней, посидеть у бассейна. Прежде Блер никогда не видела бассейна олимпийских размеров у кого-то дома. Походило на курорт – пальмы в кадках, искусственные водопады, огромный бассейн с подогревом и четырехкомнатный домик, обставленный более роскошно, чем жилой дом семьи Блер в Нью-Гемпшире. Блер надела новый ярко-зеленый купальник-бикини, который она только что купила в торговом центре. Ей казалось, что купальник сидит на ней просто бесподобно. Жаркое солнце приятно согревало кожу. Блер опустила ступню в голубую воду. Они плавали и загорали почти все утро. Потом домработница принесла им ланч. Они уселись вокруг большого стола со стеклянной крышкой, обсыхая под солнцем и поглощая сэндвичи. Блер выбрала сэндвич с ростбифом и швейцарским сыром. А когда она потянула руку, чтобы взять немного чипсов из миски, стоявшей посередине стола, зазвенел голосок Джорджины.

– Девочки, надо и свежие овощи есть, не только чипсы, – изрекла она, откинувшись на спинку шезлонга.

Она шикарно выглядела в цельном темно-синем купальнике и саронге.

Селби неохотно познакомила Блер с Джорджиной. Та натянуто улыбнулась и довольно долго смотрела на Блер. Потом запрокинула голову.

⁴ Разновидность стакана для виски с прямыми стенками и толстым дном.

– Блер, дорогая. Этот купальничек немного слишком откровенный, тебе так не кажется? Лучше оставлять хоть что-то для воображения.

Блер выронила чипс и опустила глаза. От смущения ее щеки зарделись. Но она промолчала. Промолчала и Селби – редкий случай.

– Ну ладно, приятного аппетита.

С этими словами Джорджина развернулась и ушла в дом. Она и тогда была сучкой, и наверняка сучкой осталась – Блер была готова об заклад побиться.

Она прогнала неприятные воспоминания как раз в тот самый момент, когда в гостиную вошел Саймон.

Прежде чем подойти к нему, Блер задержала на нем взгляд. Саймон остался таким же красавцем, каким был пятнадцать лет назад. Он остановился на пороге и вальяжно прислонился к дверному косяку. Все та же непослушная прядь волос на лбу. Наверняка женщины до сих пор падали к его ногам. Не укрылось от глаз Блер и то, что теперь в облике Саймона все было дорогим – от безупречного покроя черного костюма до выходных итальянских кожаных туфель. Когда Кейт впервые приехала с ним домой на весенние университетские каникулы, она призналась, что Саймон чувствует себя не в своей тарелке. Он вырос на восточном побережье Мэриленда в семье со скромным достатком. Его отец умер от инфаркта, когда Саймону было двенадцать, и это стало большим ударом для семьи – как эмоциональным, так и финансовым. Мать Саймона от этой потери так и не оправилась, и, если бы не стипендия, которую ему назначили, он не смог бы учиться в Йеле. Когда они с Кейт поженились, Саймон наконец смог достичь положения, при котором сумел помогать матери и сделать ее жизнь более сносной. Его мать умерла вскоре после рождения Аннабел. «Да и свою жизнь он устроил неплохо», – подумала Блер.

Рядом с Саймоном стояла молодая брюнетка. Она была довольно миловидная, но внимание Блер привлекло не это, а то, как эта женщина смотрит на Саймона. Это был взгляд, наполненный обожанием и ожиданием. Саймон улыбнулся, когда женщина что-то сказала и прикоснулась к его руке. Их телесный язык явно говорил о том, что они хорошо друг друга знают. Вопрос был в том – насколько хорошо. Пара секунд – и Саймон, судя по всему, закончил разговор, хотя Блер его слов не слышала. Он подошел к Кейт. Молодая брюнетка проводила его взглядом, развернулась и ушла. Потом она надолго задержалась около буфета красного дерева. После того как она вышла из гостиной, Блер подошла к буфету и посмотрела, что же так привлекло внимание женщины. Это была свадебная фотография Кейт и Саймона в серебряной рамке. Они улыбались так, словно им не было дела до всего остального мира.

Послышался звон колокольчика. Молодой человек в униформе сообщил, что настало время ланча. Саймон оказался один посередине гостиной, и Блер решила воспользоваться этой возможностью. Когда Саймон заметил ее, его взгляд стал подозрительным.

– Саймон, привет. Соболезную вашей потере, – произнесла Блер со всей искренностью, на которую была способна.

Саймон явно напрягся.

– Какой сюрприз – увидеть тебя здесь, Блер.

Гнев обжег нутро Блер, словно кислота, подступил к горлу. Воспоминания о том, что произошло при их последней встрече, захлестнули с силой цунами, но она не поддалась. Она должна была сохранять спокойствие.

– Смерть Лили стала ужасной трагедией. Не время для мелочных обид.

Глаза Саймона были холодны.

– Как это мило с твоей стороны – примчаться обратно. – Он наклонился, положил руку на плечо Блер.

Со стороны это могло показаться вполне дружеским жестом.

Но Саймон злобно прошипел:

– Даже не думай снова встать между нами.

Блер отстранилась. Она была потрясена тем, что Саймон решился так говорить с ней сегодня, в такой день. Она расправила плечи и одарила Саймона своей лучшей писательской улыбкой:

– Разве тебе не стоит больше переживать о том, как твоя жена страдает из-за убийства ее матери, а не о моих отношениях с ней? – Ее улыбка угасла. – Не волнуйся, на этот раз я не совершу ту же ошибку.

«На этот раз я не позволю *тебе* встать между нами», – подумала Блер, уходя из гостиной.

Она спустилась на первый этаж и направилась к туалету, чтобы привести себя в порядок перед ланчем, но тут кое-что привлекло ее внимание. Она подошла к окну и увидела мужчину в униформе, стоявшего в тени, неподалеку от подъездной дорожки. Блер не сразу узнала в нем водителя Джорджины. Как же его звали? Как-то на Р... Рэндольф, вот как. Он катал их по округе всякий раз, когда была очередь Джорджины подвозить друзей. Блер немного удивилась тому, что он еще жив. Он и в те годы казался ей стариком, но теперь она смотрела на него и понимала, что тогда Рэндольфу, пожалуй, было слегка за сорок. И тут Блер увидела, что к водителю подошел Саймон, сунул руку в карман пальто и вытащил конверт. Рэндольф нервно огляделся по сторонам, взял конверт, кивнул и сел в машину. Саймон пошел к дому, поэтому Блер поспешно ретировалась в туалетную комнату, чтобы он ее не заметил. Она не могла представить, что за дела могут связывать Саймона с водителем Джорджины. Но она решила это выяснить.

Глава третья

– Убийца был сегодня на кладбище. А может быть, даже у нас в доме!

Голос Кейт дрогнул, когда она протянула свой мобильный телефон детективу Фрэнку Андерсону из окружного полицейского управления Балтимора. Его присутствие ее успокаивало, он вел себя уверенно, и она вновь была поражена тем, что чувствует себя в безопасности, просто глядя на него и ощущая его физическую силу. Детектив сел напротив Кейт и Саймона в гостиной и, нахмутив брови, прочел эсэмэс.

– Давайте не будем делать поспешных выводов. Может быть, это какой-то ненормальный – прочел об убийстве вашей матери и похоронах. Об этом много писали.

Саймон широко раскрыл глаза:

– Какому психу такое взбрело бы в голову?

– Но это же мой личный номер мобильного. Откуда его мог раздобыть незнакомый человек? – спросила Кейт.

– К сожалению, в наше время раздобыть номер мобильного труда не составляет. Уйма «левых» сервисов, которыми можно воспользоваться. А на кладбище было довольно много народа. Вы их всех знаете? – спросил Андерсон.

Кейт покачала головой:

– Нет. Мы обсуждали этот вопрос – не устроить ли закрытые похороны? Но мама была так тесно связана с общественностью, что нам показалось, что она бы захотела, чтобы с ней простились все, кто пожелал бы выразить ей почтение.

По мере разговора детектив делал пометки в блок – ноте.

– Если рассматривать данную угрозу в отдельности, то мы бы предположили, что это сделал психически больной человек, но, поскольку речь идет о нераскрытом убийстве, мы отнесемся к делу более серьезно. С вашего позволения, мы поставим ваш телефон на постоянную прослушку, в соответствии с инструкциями. Кроме того, мне бы хотелось начать прослушку вашего домашнего телефона и мониторинг компьютеров. Тогда мы сможем в реальном времени отследить новые угрозы, если они последуют, и сумеем определить IP-адрес злоумышленника.

– Конечно, – кивнула Кейт.

– У меня оборудование с собой, так что я прямо сейчас смогу скопировать данные с вашего телефона. Когда мы закончим беседу, я это сделаю, и мы посмотрим, удастся ли нам выяснить, откуда и кем было послано это сообщение. Чем бы вы ни занимались, ни в коем случае не отвечайте, если злоумышленник снова выйдет на связь. Если это психически больной, он хочет от вас именно этого. – Детектив сочувственно посмотрел на Кейт. – Мне очень жаль, что вам пришлось столкнуться с этим, помимо всего остального.

Муж пошел провожать Андерсона к выходу. Если у Кейт и стало легче на сердце, то совсем немного. Ей вспомнилось мгновение, когда она услышала жуткую новость по телефону – тот жуткий вечер, когда Харрисон нашел мертвую Лили.

Кейт увидела на экране мобильного номер отца. Его голос звучал панически.

– Кейт. Ее нет. Ее больше нет, Кейт, – донеслись из трубки рыдания.

– Папа, о чем ты? Кого нет? – скованная ужасом, спросила Кейт.

– Кто-то проник в дом. Они убили ее. О боже, этого не может быть. Не может быть. Он так рыдал, что Кейт с трудом разбирала слова.

– Кто проник в дом? Мама? Мама умерла? – закричала Кейт.

– Кровь... Всё в крови.

– Что случилось? Ты в неотложку звонил? – писклявым голосом спросила Кейт. Она была на грани истерики.

– Что же мне делать, Кейти? Что мне делать?

– Папа, послушай меня. Ты звонил 911? – спросила Кейт.

Но в ответ слышались только хриплые рыдания.

Кейт быстро села в машину и, как в тумане, промчала пятнадцать миль до дома родителей. По пути она отправила сообщение Саймону, чтобы он как можно быстрее приехал туда. Не доехав двух кварталов до родительского дома, Кейт увидела мигающие синие огни. Ближе к дому ее внедорожник остановил полицейский кордон. Выйдя из машины, Кейт увидела, как позади нее остановился «порше» Саймона. Медики, полицейские, эксперты входили в дом и выходили из него. В полной панике Кейт побежала прочь от своей машины и протолкалась через толпу, но ближе к дому ее не подпустил офицер полиции. Он стоял, скрестив руки на груди, широко расставив ноги, с сердитой гримасой на лице.

– Прошу прощения, мэм. Это – место преступления. Идет расследование.

– Я ее дочь! Пожалуйста! – проговорила Кейт, пытаюсь пройти мимо полицейского.

К ней подбежал Саймон.

Офицер покачал головой и, выставив перед собой руку, удержал Кейт:

– Простите, вынужден попросить вас сделать шаг назад.

Кейт и Саймон стояли рядом и в ужасе смотрели на то, как эксперты входят и выходят – с фотоаппаратами, сумками, коробками. Полицейские огородили территорию около дома желтой пластиковой лентой, а на Кейт и Саймона никто даже смотреть не хотел. Очень скоро появились телевизионщики и обступили со своими камерами задыхающихся от волнения репортеров. А те, держа в руках микрофоны, перечисляли все жуткие подробности случившегося, какие только им были известны. Когда Кейт слышала, что у убитой был проломлен череп, ей хотелось закрыть уши руками. Но вот она увидела, как из дома выводят ее отца, и, не раздумывая, бросилась к нему. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как чьи-то могучие руки схватили и удержали ее.

– Пустите меня! – закричала Кейт, пытаюсь вырваться из рук державшего ее полицейского. – Куда его ведут? Да отпустите же меня, черт бы вас побрал! Где моя мать? Я должна увидеть мою мать!

Офицер ослабил хватку, но его взгляд не смягчился. Он сказал:

– Простите, мэм. Я не могу впустить вас в дом.

– Мой отец должен быть с ней! – вскрикнула Кейт.

К ней подошел Саймон. Она сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Она все еще была зла на него, но в его присутствии ей было немного легче.

– Куда его увезли? Доктора Майклса, отца моей жены, куда его увезли? – спросил Саймон, бережно обняв Кейт.

– В участок для допроса.

– Для допроса? – непонимающе спросила Кейт.

К ней подошла женщина в полицейской форме:

– Вы – дочь Лили Майклс?

– Да. Доктор Кейт Инглиш.

– Боюсь, ваша мать скончалась. Соболезную вашей потере. – Женщина-офицер немного помолчала и добавила: – Нам нужно, чтобы вы поехали с нами в участок и ответили на несколько вопросов.

«Соболезную вашей потере»? Как небрежно и банально. Даже пошло. Вот такой она представляла перед родственниками пациентов, когда сообщала им плохие новости? Кейт последовала за женщиной-полисменом, но думать она могла только о том, что ее мать лежит в своем доме мертвая, а ее фотографируют и осматривают следователи и судмедэксперты, а

потом ее отвезут в морг и произведут вскрытие. Во время учебы в медицинском институте Кейт доводилось бывать на вскрытиях. Ничего хорошего.

– Ты что-нибудь ела? – спросил Саймон, войдя в комнату и прервал воспоминания Кейт.

– Я не голодна.

– Может быть, немного супа? Твой отец сказал, что Флер приготовила суп с курицей и рисом.

Кейт промолчала. Саймон вздохнул, сел рядом с букетом цветов от сотрудников больницы, где работала Кейт, потрогал зеленый лист и прочел открытку.

– Мило с их стороны, – сказал Саймон. – Все же тебе стоит поесть, хоть немножко.

– Саймон, пожалуйста. Просто перестань, прошу тебя, ладно?

Кейт не хотелось, чтобы он вел себя как заботливый муж после всего, что она пережила в последние несколько месяцев.

Бывало, что их ссоры и ее дурное настроение достигали точки, когда Кейт не могла сосредоточиться ни на работе, ни на всем прочем, и тогда она ехала к Лили. Всего лишь несколько недель назад они сидели у камина в уютном логове родительского дома, согретыые огнем: Кейт в больничной робе, а Лили в белых шерстяных брюках и кашемировом свитере.

Лили пытливо и заботливо посмотрела на дочь:

– В чем дело, милая? По телефону у тебя был ужасно расстроенный голос.

– Дело в Саймоне. Он... – Кейт запнулась, не зная, с чего начать. – Мама, ты помнишь Сабрину?

Лили нахмурила брови и озадаченно посмотрела на Кейт.

– Ты должна ее помнить. Ее отец после смерти отца Саймона как бы взял шефство над ним. Сабрина была самой младшей подружкой невесты на нашей свадьбе.

– Ах да, вспомнила. Она была совсем маленькая.

– Да, тогда ей было двенадцать. – Кейт наклонилась вперед. – А помнишь, как в день свадьбы, утром, когда мы все готовились к торжеству, Сабрина вдруг пропала? Я пошла ее искать. И нашла я ее в одной из гостевых комнат. Я приоткрыла дверь. Она сидела на краю кровати и плакала. Я была готова войти, но увидела, что рядом с Сабриной ее отец, и я отошла в сторону от двери, чтобы меня не было видно. Сабрина ужасно расстроилась из-за того, что Саймон женится. Она говорила отцу, что всегда верила в то, что Саймон дождется ее – она вырастет, и он женится на ней. Она говорила об этом так жалобно.

Лили широко раскрыла глаза, но взгляд ее остался спокойным.

– Я позабыла об этом. Это же было так давно. Ну подумаешь, малышка влюбилась.

Кейт покраснела:

– Но ничего не изменилось. Я старалась понять, я относилась к ней по-доброму, честное слово. Мать Сабрины умерла, когда девочке было всего пять лет, и я думала, что стану ей хорошей подругой – может быть, даже самой близкой. – Кейт вздохнула. – Она отвергала все мои попытки. О нет, при Саймоне она никогда не вела себя со мной грубо, но, когда мы с ней оставались наедине, она и не думала скрывать, что не желает иметь со мной ничего общего. А теперь, когда умер ее отец, она стала еще более липучей. Звонит Саймону то и дело, все время его просит о чем-то.

– Кейт, но какое отношение это имеет к тебе? Покуда Саймон не поощряет ее поведения, тебе не о чем беспокоиться. Бедняжка осиротела в таком юном возрасте.

– В том-то и дело! Он очень даже поощряет ее поведение. Стоит ей позвонить и сообщить о какой-то проблеме или о чем-то, что нужно починить, он просто бегом бежит к ней. А звонит она все чаще. Он то и дело бывает у нее. Чаще, чем следовало бы. – Кейт повысила голос. – Он говорит, что это все ерунда, что я на пустом месте раздуваю проблему, но это не так. Теперь

Сабрина у него работает, и они постоянно вместе. Они вместе обедают, она является к нам верхом на лошади, на меня ноль внимания, сразу бежит к Саймону. В общем, больше я это терпеть не могу. Я попросила его уйти.

– Кейт, послушай себя со стороны. Ты не можешь разрушить семью из-за такой ерунды.

– Нет, я больше не могу с этим мириться. Саймону не стоило брать ее на работу, но он дал слово ее отцу позаботиться о ней, когда тот был при смерти. И на следующий день после его смерти она попросила Саймона дать ей работу.

Мать пристально посмотрела на Кейт:

– Вряд ли у Саймона был другой выбор. Все утрясется. Может быть, она просто горюет.

– Честное слово, мама, я устала от роли сочувствующей и страдающей жены. Это нелепо – чтобы ко мне вот так относились, а мой муж при этом говорил бы мне, что я несправедлива.

Лили встала и начала ходить по гостиной. Подошла к сидевшей на стуле Кейт, положила руки ей на плечи и пристально посмотрела в глаза:

– Я поговорю с Саймоном. Разберусь во всем этом.

– Мама, нет. Пожалуйста, не делай этого.

Меньше всего Кейт хотелось, чтобы ее мать вызвала Саймона «на ковер». От этого все только стало бы еще хуже. Но больше они с матерью об этом не сказали ни слова. Если Лили и поговорила с ее мужем, ни она сама, ни он Кейт об этом не сообщили.

И вот теперь она смотрела на Саймона, сидевшего в кресле, уперев локти в колени.

– Пожалуйста, не отталкивай меня, – попросил он. – Я понимаю, у нас были проблемы, но сейчас нам пора держаться вместе и поддерживать друг друга.

– Поддерживать? Давно ты мне ничем не помогал. Не надо мне было позволять тебе вернуться.

– Это несправедливо, – нахмурился Саймон. – Я нужен тебе здесь, и я хочу быть рядом с тобой и Аннабел. Мне было бы гораздо лучше находиться здесь и заботиться о вас обеих.

У Кейт мурашки побежали по рукам. Она плотнее закуталась в кардиган. Ведь где-то неподалеку на воле разгуливал убийца. Снова и снова Кейт мысленно повторяла последнюю фразу сообщения: *«К тому времени, когда я с тобой покончу, ты пожалеешь о том, что тебя тоже не похоронили сегодня»*. Это означало, что нужно ждать новых бед. Может быть, убийца расправился с Лили, чтобы наказать Кейт? Она представляла себе убитых горем родственников пациентов, которых она не смогла спасти, и пыталась определить, кто из них мог бы обвинить ее в случившемся. А может быть, кто-то затаил зло на ее отца? Ведь он проработал в медицине сорок лет с лишним, так что мог нажить врагов.

– Кейт, – вновь ворвался в ее воспоминания голос Саймона. – Я не оставлю тебя одну. Сейчас, когда тебе угрожают.

Кейт медленно подняла голову и встретила взглядом с мужем. Она не в силах была соображать здраво. Но мысль о том, чтобы остаться одной в этом огромном доме, очень пугала ее.

Она кивнула:

– Можешь еще какое-то время пожить в голубой гостевой комнате.

– Думаю, мне стоит перебраться в хозяйскую спальню.

Кейт почувствовала, как волна жара поползла вверх по шее, к щекам. Неужели он собрался воспользоваться смертью ее матери, чтобы подлизаться к ней?

– Ни в коем случае.

– Ладно, хорошо. Но я не понимаю, почему мы не можем забыть о прошлом.

– Потому что ничего не решено.

Кейт смотрела на Саймона, и ей казалось, что ее взгляд прожигает в нем дыры.

– Возможно, Блер была все-таки права насчет тебя.

Саймон резко повернулся к ней. Его глаза были полны мрака.

– Незачем ей было сегодня являться.

– Она имела полное право, – пылко ответила Кейт. – Она была моей лучшей подругой.

– Ты забыла, что она пыталась разлучить нас?

– А ты доводишь это до конца.

Саймон поджал губы. Несколько минут он молчал, а когда заговорил, в его голосе зазвучали стальные нотки.

– Сколько раз я должен повторять тебе, что ничего не происходит? Абсолютно ничего!

Кейт слишком сильно устала, чтобы спорить с ним.

– Пойду наверх, уложу Аннабел.

Аннабел сидела на полу с пазлом. Хильда разместила рядом с ней в кресле. Что бы Кейт делала без Хильды? Она чудесно ладила с Аннабел, была любящей и терпеливой. Она была настолько предана девочке, что Кейт порой приходилось напоминать няне о том, что она не обязана работать круглые сутки только потому, что живет под одной крышей с ними. Хильда вынянчила троих сыновей Селби. Когда родилась Аннабел, Селби предложили Кейт нанять Хильду, поскольку их младший сын должен был осенью пойти в первый класс и уже не нуждался в круглосуточной няне. Кейт очень обрадовалась тому, что о ее дочери будет заботиться женщина, которую она знала и которой доверяла. Казалось, Хильду они знали вечно, а ее брат Рэндольф много лет работал личным водителем Джорджины. Он был надежным и верным работником. В общем, все сложилось как нельзя лучше.

Кейт опустила на колени рядом с дочуркой:

– Как здорово у тебя получилось.

Аннабел – настоящий ангелок – подняла голову и посмотрела на мать. Ее светлые кудряшки закачались.

– Вот, мамочка. А теперь ты, – сказала она, протянув Кейт деталь головоломки.

– Гм... Посмотрим, посмотрим. Вот сюда?

С этими словами Кейт стала прикладывать пазл в неправильное место.

– Нет, нет! – фыркнула Аннабел. – Вот куда надо!

Она схватила пазл и положила на нужное место.

– Скоро пора спать, детка. Хочешь выбрать книжку, чтобы мамочка тебе почитала? –

Кейт повернула голову к Хильде: – Может быть, вы пойдете спать? Я побуду с дочкой.

– Спасибо, Кейт. – Хильда взъерошила кудряшки Аннабел. – Она у нас сегодня молодец, да, милая? Длинный день получился.

– Да. – Кейт улыбнулась Хильде. – Для вас он тоже получился длинным. Теперь пора отдохнуть.

Аннабел взяла с книжной полки книгу «Паутина Шарлотты»⁵ и принесла матери. Кейт села на край кровати дочери, а та забралась под одеяло. Кейт очень любила этот ритуал укладывания Аннабел спать, но вечера после смерти Лили все изменили. Кейт хотелось прижать дочку к себе и защитить от жестокой реальности.

Как только Аннабел заснула, Кейт осторожно приподняла руку, которой обнимала дочь, встала и на цыпочках вышла из комнаты. Оказавшись в коридоре, она посмотрела в ту сторону, где находилась последняя в этом крыле дома гостевая комната, где в эти дни жил Саймон. Дверь была открыта, в комнате было темно, но под дверью ванной виднелась полоска света, и слышалось журчание воды.

⁵ Роман Элвина Брукса Уайта (1899–1985) о поросенке Уилбуре, выращенном девочкой на ферме и спасенном от смерти благодаря волшебству паучихи Шарлотты. Книга дважды экранизировалась.

Кейт отвернулась. Ее мысли возвратились к Джейку. Его родители не пришли на поминки, и ей так и не удалось поговорить с ними, но, может быть, это было к лучшему, если учесть, сколь болезненной для них могла стать встреча с ней.

Они с Джейком выросли по соседству и были знакомы, можно сказать, всю жизнь, но влюбились друг в друга только в старших классах, когда учились в расположенных по соседству школах: Кейт в школе для девочек, а Джейк – для мальчиков. Кейт до сих пор помнила, как лицо Джейка озарялось улыбкой всякий раз, стоило ему ее увидеть на трибуне около поля для лакросса⁶. Как бы ни было холодно в эти дни игр в феврале или марте, Кейт было тепло и светло. А Джейк никогда не пропускал соревнований по легкой атлетике, в которых участвовала Кейт. Его баритон всегда ее подбадривал. Они оба подали документы на поступление в Йель, и все было к тому, что они проведут вместе всю жизнь, до того вечера, когда все переменялось. Шло время, и Кейт не раз проигрывала в уме ту вечеринку и представляла себе, что все закончилось иначе. Если бы только они с Джейком ушли на десять минут раньше, если бы обошлись без спиртного. Но, конечно, случившегося Кейт изменить не могла. Несколько часов спустя Джейка не стало. Когда Кейт через несколько дней после похорон подошла к его дому, ставни были закрыты. На крыльце валялись скопившиеся за несколько дней газеты, почтовый ящик разбух от писем. Все было ясно. Родители и две сестры Джейка уехали.

Кейт прошла по коридору к своей спальне. Войдя в комнату, она расстегнула «молнию», сняла черное траурное платье и бросила его на пол. Она точно знала, что больше никогда не сможет надеть его. Включив свет в ванной и глянув в зеркало, Кейт увидела, что волосы слиплись, а глаза покраснели и припухли. Шагнув к зеркалу ближе, чтобы лучше рассмотреть лицо, она краем глаза заметила нечто и замерла. Холодный пот покрыл все ее тело, она задрожала и в ужасе попятилась. Ее вот-вот могло стошнить.

– Саймон! Саймон! – прокричала она. – Сюда! Скорее!

В одно мгновение Саймон оказался рядом с ней, а она не в силах была отвести взгляд от трех мертвых мышей, лежавших с выковырянными глазками рядком в раковине. А потом Кейт заметила записку.

Три слепые мышки,
Три слепые мышки
Бегут, бегут вприпрыжку,
Бегут, бегут вприпрыжку!
За жизнью беззаботной
Бегом они бежали,
Да скоро мышкам глазки
Ножом расковыряли.
И ничего не видят,
И больше не спешат,
Хорошенькие мертвенькие
Мышки тут лежат⁷.

⁶ Лакросс (*Lacrosse*) – контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой и сеткой, чтобы ловить и удерживать мяч. Цель игры заключается в том, чтобы забросить мяч в ворота соперника, используя клюшку. Задача защиты – предотвратить взятие ворот и получить мяч с помощью клюшки, контактной борьбы или правильной позиции на поле.

⁷ Стишок представляет собой переделанные строфы из английской детской песенки «Three Blind Mice».

Глава четвертая

Блер много раз представляла себе свое примирение с Кейт – что она ей скажет, и как Кейт будет умолять ее снова стать ее подругой, и как она будет ошарашена, когда Блер ответит ей, что уже слишком поздно. Настанет очередь Кейт ощутить боль предательства – в точности так, как эту боль почувствовала Блер, когда Кейт выгнала ее со своей свадьбы после жуткой утренней ссоры. А потом Кейт назначила Селби главной подружкой невесты вместо Блер. Правда была в том, что Блер никогда не забывала о Кейт все эти годы. И трудно было забыть – при том, что новости то и дело доходили от общих подружек, да и фотографии Кейт часто мелькали на их страничках в Фейсбуке. Но поскольку Блер считала обиженной себя, она ни в коем случае не собиралась на коленях умолять Кейт о прощении. По крайней мере, так она думала, пока не случилось страшное. Смерть Лили все изменила. Блер осознала это в ту же секунду, как только позвонила Кейт. Она просто обязана была поехать и почтить память Лили. И как только она там оказалась, она поняла, что должна сделать все, что в ее силах, чтобы найти убийцу.

И вот теперь, возвратившись, Блер увидела, что она не только не ошиблась насчет Саймона, а что в их отношениях с Кейт что-то стало очень и очень не так. Блер всегда изучала людей. Это было одно из качеств, которое помогло ей стать успешным писателем. Истории строились из мелочей – из взглядов, которыми обменивались двое, из выбора фразы, из безответного чувства. С того места, где Блер сидела за поминальным столом, ей было хорошо видно их обоих. От нее не укрылся момент, когда Саймон хотел взять Кейт за руку, а та вздрогнула, словно ее ошпарили, резко выдернула руку и положила на колени. Ну и потом, конечно, еще имела место брюнеточка в короткой юбке.

Блер стояла у окна и смотрела на Балтиморскую гавань. Низкое декабрьское солнце рисовало ослепительные геометрические узоры на воде. Когда Блер позвонила в гостиницу «Четыре времени года», чтобы зарезервировать номер, ей ответили, что незадолго до Рождества у них все номера заняты. Но когда Блер поинтересовалась президентским люксом и назвала свою фамилию, равнодушный голос на другом конце провода сразу оживился. После скороговорки извинений вопрос с номером в отеле был решен. Блер уже давно не была маленькой девочкой, с которой никто особо не считался.

Она до сих пор поддерживала связь кое с кем из школьных друзей.

Поначалу ей здесь было тяжело – остальные девочки знали друг дружку с детского сада, а Блер пришла в школу в восьмом классе. Отец говорил ей, что она должна быть счастлива, что ее приняли в такую чудесную школу, что перед ней откроется целый новый мир. Энид, новая жена отца, говорила, что она даром потеряла время в обычной школе и что для нее открылось бы куда больше возможностей, окажись она в одной из лучших в стране частных школ. В общем, отец и мачеха всеми силами старались показать Блер, что это делается ради нее, но она-то знала правду: Энид хотела, чтобы она уехала, потому что устала спорить с ней из-за каждой мелочи. Вот как Блер оказалась в Мэриленде, где она совершенно никого не знала, в десяти часах от своего дома в Нью-Гэмпшире. И мало ей было других огорчений, так в Мэйфилде настояли, чтобы она повторила восьмой класс, поскольку в прошлом учебном году Блер пропустила слишком много занятий, потому что болела мононуклеозом. Остаться на второй год – это было неприятно и глупо.

Между тем, оказавшись в Мэйфилде, Блер была вынуждена признать, что территория школы очень красива. Трава здесь была такая зеленая, что казалась искусственной. По всей территории стояли дома в георгианском стиле, и из-за этого создавалось впечатление университетского кампуса. И чего тут только не было – огромный плавательный бассейн, конюшни, современнейший спортзал, роскошные спальни. Явно лучше, чем дома. Да и дом Блер пере-

стал теперь быть ее домом. Ко всему там успела приложить руку Энид. В гостиной и кухне глаз повсюду натывался на ее несуразные самодельные безделушки.

В первый день в Мэйфилде директор школы устроила для Блер экскурсию по кампусу. Эта женщина неопределенного возраста стягивала волосы в тугую старомодную пучок на затылке, но лицо у нее было доброе, а голос мягкий, и Блер вдруг захотелось остаться здесь, с этой женщиной.

Директриса открыла дверь класса, учительница пригласила их войти, и в классе сразу воцарилась тишина. Девочки обернулись и стали разглядывать Блер. Все они были в школьной форме: белые блузки на пуговицах, клетчатые юбки, белые носки, лаковые туфельки и темно-синие кардиганы. При ближайшем рассмотрении можно было заметить различия – золотые или серебряные сережки-«гвоздики», ожерелья «добавь бусинку»⁸, тонкие золотые браслеты. Блер сжала кулаки, чтобы никто не заметил ее ногтей с облупившимся розовым лаком. Директриса сказала ей, что в школе допустимо появляться только с прозрачным лаком, но сегодня разрешила лак не снимать.

Обведя взглядом класс, Блер заметила Кейт. Блестящие светлые волосы, стянутые в изящный хвост. Чуть тронутые розовым блеском красивые губы. Голубые глаза цвета Карибского моря – по крайней мере, такого, каким это море изображали на фотографиях. Блер сразу почувствовала: Кейт – из тех девочек, которые нравятся всем.

– Добро пожаловать, Блер, – сказала учительница, указала на хорошенькую блондинку и добавила: – Садись рядом с Кейт Майклс.

Кейт улыбнулась и похлопала по крышке стола рядом с собой.

Позже, во время ланча, Кейт познакомила Блер со своими подружками. Кейт в этой компании явно была главной, и девочки к ней тянулись. Селби оказалась довольно дружелюбной, но первым, что она сказала, как только Кейт представила ей Блер, было вот что: «Привет, я Селби. Лучшая подруга Кейт». Блер улыбнулась ей и подумала: «Но это пока». Так все и вышло. Вскоре они с Кейт стали неразлучны.

Другие девочки в школе приняли Блер не сразу. Поначалу она наивно полагала, что деньги уравнивают всех. Ее отец нажил немало денег, но заработал он их, продавая шины в дилерской фирме, которую основал двадцать лет назад. В Нью-Гемпшире они были одним из самых богатых семейств. Отец был спонсором Маленькой лиги⁹ и программы школьного питания. Но здесь, в Балтиморе, Блер уже не была большой шишкой. Довольно скоро она уловила разницу между «новыми» и «старыми» деньгами, просто воспитанием и воспитанием высокосветским. Но Блер быстро училась. Через несколько лет никто не заподозрил бы, что она родилась не в этом мире.

Невзирая на печальную причину своего приезда, Блер ловила себя на том, что ей нравится – просто-таки чертовски нравится то, что все смотрят на нее по-другому. Она больше не была никчемной девчонкой из гетто, понятия не имевшей о том, что такое котильон. Благодаря серии детективов о сыщице Меган Мэхони, написанной в соавторстве с Дэниэлом, Блер стала более знаменитой, чем могла надеяться. Она всегда мечтала стать писательницей, поэтому поступила на английскую филологию в Колумбийский университет и каждое лето практиковалась в разных издательствах. Закончив университет, она была принята на работу в один из крупных издательских домов – тот самый, где издавали книги Дэниела Баррингтона. У него в багаже имелось девять бестселлеров, и он был не просто хорошо известен, но и очень

⁸ «Add-a-bead» – ставшие особенно популярными в 80-е годы в качестве подарка-украшения – золотая или серебряная цепочка, на которую можно было нанизывать бусинки – золотые, серебряные, жемчужные. Такую цепочку с одной бусиной можно было получить в день первой годовщины свадьбы, а потом в каждую следующую годовщину супруг мог подарить новую бусину.

⁹ Лига, объединяющая детские бейсбольные команды в США.

любим читателями. Он написал двенадцать триллеров в жанре о серийных убийцах. Блер прочла все его книги и просмотрела беседы с ним в телевизионных ток-шоу. Блер приставили к Дэниелу в качестве ассистента по публикациям, и ей было радостно узнать, как он дружелюбен и непритязателен, несмотря на свой успех. А еще ближе Блер узнала Дэниела, когда ее начальница ушла в отпуск, родив ребенка. Блер довелось работать с Дэниелом в двух городах во время его писательского турне с презентацией новой книги.

Блер ухватила за эту возможность и постаралась выглядеть как можно лучше во второй вечер в Бостоне. После того как Дэниел закончил подписывать свои книги в финале презентации, они с Блер вышли из книжного магазина, чтобы перекусить в кафе за углом. Когда Блер заказала бургер с проволоне¹⁰, Дэниел улыбнулся и сказал, что сам любит именно такой чизбургер. Потом они два часа болтали без умолку. Оказалось, что и он, и она обожают мрачные рассказы По¹¹ и Брэма Стокера¹², а когда Дэниел сообщил, что его любимый фильм – «Почтальон всегда звонит дважды»¹³, Блер согласно кивнула. Они поговорили про годы учебы на старших курсах, когда им приходилось погружаться в трагедии Эсхила и Эврипида, в поэзию Джона Мильтона¹⁴ и Эдмунда Спенсера¹⁵. А когда, ближе к концу вечера, Блер упомянула Дон-Кихота, Дэниел склонил голову к плечу и улыбнулся ей. Они идеально подходили друг другу. Примерно через год один из самых желанных холостяков в мире стал мужем Блер. Ей вовсе не понадобилась пафосная свадьба, как у Кейт. Они с Дэниелом просто-напросто расписались в мэрии во время одного из его писательских турне.

Идея попробовать поработать вместе над сериалом о сыщице Мэган Мэхони принадлежала Блер. Издателю Дэниела мысль понравилась, и первый же роман сериала в течение недели после выхода возглавил хитпарад бестселлеров «New York Times» и продержался на первой строчке больше года. Сочинив четыре романа вместе, Блер и Дэниел подписали контракт на создание телесериала на основе романов, и Блер наконец по-настоящему ощутила успех.

Пока она училась в Мэйфилде, ей казалось, что она ни за что и никогда не окажется на одном финансовом поле со всеми своими подругами. Ей было тяжело, она всегда на шаг отставала. Но когда ее первый миллион удвоился и ее фотографии стали появляться в национальных газетах и журналах, она почувствовала, что твердо стоит на ногах.

Подойдя к длинному обеденному столу, она села и проверила электронную почту. Стерла письма от Barney's и Neiman's¹⁶ и решила, что надо отписаться от всех мусорных рассылок, от которых только разбухал почтовый ящик. Затем Блер открыла письмо от своего издателя по поводу двух конференций, на которых их с Дэниелом приглашали выступить. Это письмо она переправила Дэниелу со знаком вопроса.

После этого Блер набрала в строке поиска Google «Лили Майклс». Она не в силах была этого сделать с того момента, когда услышала ужасную новость. Страницу мгновенно запол-

¹⁰ Твердый итальянский сыр невысокой жирности из коровьего молока.

¹¹ Эдгар Аллан По (1809–1849) – американский писатель и поэт, наиболее известен как автор «страшных» рассказов.

¹² Абрахам (Брэм) Стокер (1847–1912) – ирландский писатель, автор рассказов и романа «Дракула», неоднократно экранизированного, в частности Френсисом Фордом Копполой под названием «Дракула Брэма Стокера» (1992) с Гэри Олдменом в роли графа Дракулы.

¹³ «Почтальон всегда звонит дважды» (англ. *The Post man Always Rings Twice*) – кинофильм режиссера Боба Рейфелсона. Экранизация Джеймса Кейна. Фильм является очередной экранизацией известного одноименного романа Дж. Кейна (после фильмов «Последний поворот» Пьера Шеняля, «Одержимость» Лукино Висконти) и одноименного фильма 1946 года (реж. Тэй Гэрнетт).

¹⁴ Джон Мильтон (англ. John Milton; 9 декабря 1608 года, Лондон – 8 ноября 1674 года, там же) – английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Наиболее знамениты его поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

¹⁵ Эдмунд Спенсер (англ. Edmund Spenser; ок. 1552 – 13 января 1599, Лондон) – английский поэт елизаветинской эпохи, старший современник Шекспира, впервые прививший английскому стиху сладкозвучие и музыкальность. Обладатель титула «Поэт поэтов».

¹⁶ Сетевые магазины женской одежды, обуви и аксессуаров.

нили ссылки – одна за другой. Блер открыла ссылку на статью в «Балтимор Сан» и увидела фотоснимок красивой улыбающейся Лили рядом с заголовком «Балтиморская богачка избита до смерти в своем доме». Блер пробежала глазами статью, в которой было процитировано заявление полицейского департамента. Там было сказано, что круг подозреваемых очень широк. Блер при написании своих книг старательно изучала стратегию следственных действий и знала, что главным подозреваемым обычно считают супруга. Значит, полиция будет раскапывать все подробности жизни Харрисона, и, если следователь обнаружит хоть малейший намек на наличие мотива, копы обрушатся на вдовца с яростью бешеных псов. Харрисон и Лили всегда казались Блер счастливой парой, но за пятнадцать лет многое могло измениться.

Блер прокрутила страницу вниз и наткнулась на некролог. Это была большая статья. Выдающаяся, как сама Лили. В некрологе говорилось о ее работе по благотворительности, о ее фонде, обо всем том прекрасном и замечательном, что она делала для общества. У Блер сердце кольнуло, когда она прочла о том, что у Блер остались дочь и внучка. И она вспомнила последний курс в университете.

Кейт в то время уже несколько месяцев встречалась с Саймоном, и вдруг у нее стало оставаться все меньше времени для общения с Блер. Как-то раз в пятницу вечером Блер позвонил Харрисон и спросил, не знает ли она, как связаться с Кейт – дескать ее нет в съемной квартире, и по мобильному телефону она тоже не отвечает.

– Все в порядке? – спросила тогда Блер.

– Лили попала в небольшую аварию.

– О нет! Что случилось?

– Кто-то ударил ее сзади. У нее небольшое растяжение шеи и перелом запястья. У меня завтра работа по вызовам, и я надеялся, что Кейт сумеет прилететь и помочь Лили в выходные.

– Но Кейт, по всей видимости, уехала. Она мне говорила, что они с Саймоном собираются показаться на лыжах в Стоу¹⁷.

Харрисон резко вдохнул:

– Понятно.

– А может быть, мне приехать? – спросила Блер порывисто. – Я могу сесть на ранний поезд на Пенсильванском вокзале и приеду к девяти утра.

– Блер, это так благородно с твоей стороны. Спасибо тебе.

Блер услышала облегчение в голосе Харрисона. В итоге она поехала и ухаживала за Лили, и вышло так, что потом она не могла вспомнить более приятных выходных в жизни. Они были наедине и разговаривали, и смотрели старые фильмы, и играли в «скрэббл».

А вечером в воскресенье Лили крепко обняла Блер и погладила по щеке. Ее глаза сияли.

– Блер, милая, даже не знаю, как тебя благодарить. Как же мне повезло – у меня не одна дочка, а две.

«Да, – подумала Блер, – Кейт потеряла мать, и это ужасно. А я лишилась матери во второй раз».

¹⁷ Стоу Маунтин – один из самых известных горнолыжных курортов США – является также одним из самых живописных. Зоны катания расположены на двух горах: Мэнсфилд (самая высокая гора в Вермонте, 1340 м) и Спрус-Пик.

Глава пятая

Поеживаясь и стиснув зубы, на следующее утро Кейт встала и устремила взгляд на дверь ванной. Она не могла войти туда. Нет. Не могла, пока ее продолжал преследовать запах тухлятины, исходивший от мышей. И эти жуткие глаза – пустые глазницы, смотрящие на нее. Кейт попросила свою домработницу, Флер, на время перенести все ее вещи из этой ванной в одну из гостевых. Полицейские все забрали – и дохлых мышей, и записку. Ванную комнату обыскали в поисках улик. Если в полиции после полученной Кейт эсэмэски еще не были уверены в том, что ей грозит опасность, то мертвые мыши их убедили. Андерсон, стоя около раковины, не смог скрыть тревоги. Он настоятельно просил Кейт и Саймона никому ничего не рассказывать.

Сначала эсэмэс, а теперь это... кто же следил за ней, кто только и ждал, чтобы сделать ей больно? Детский стишок с навязчивой мелодией вновь и вновь звучал в голове Кейт, ей хотелось вскрикнуть. Была ли у убийцы на уме третья жертва? Если да, то кто? Саймон? Харрисон? Или – от этой мысли Кейт зябко поежилась – Аннабел? И если уж на то пошло, за какой-такой беззаботной жизнью она бежала? Она из кожи вон лезла, чтобы поступить на медицинский факультет, сдала специальный вступительный экзамен. А после учебы почти пять лет ординатуры и еще два года специализации в кардиологии. Кейт посвятила себя спасению жизни других людей. А ее мать была щедрым филантропом, оберегала женщин, и люди ее обожали, кроме того человека, как теперь стало ясно, который отправил эсэмэски и записку.

В целях предосторожности Саймон нанял охранников. Год назад он делал кое-какую архитектурную работу для охранной фирмы в Вашингтоне. Он позвонил тому, с кем там контактировал, и теперь двое охранников постоянно дежурили около дома, и еще двое внутри. Один – в небольшой комнате при входе, где у него была возможность следить за изображением с наружных видеокамер на экране компьютера, а другой каждый час обходил все помещения на втором этаже. Полицейские предложили разместить около дома патрульную машину, но Саймон убедил Кейт в том, что четверо охранников, способных посменно дежурить круглые сутки, свою работу сделают лучше. Андерсон возразил – дескать, всю площадь поместья охранникам не охватить, поскольку к двадцати акрам земли вокруг дома вплотную примыкают леса, но представители охранной фирмы заверили следователя в том, что справятся.

Кейт нервно прошла по коридору к гостевой ванной, плотно завернувшись в халат. Ей было жутко думать о том, что убийце удалось незамеченным проскользнуть в ее ванную в течение нескольких часов. Да, конечно, во время поминок в доме было полным-полно народа, но от этого легче не становилось. И полицейские, и охранники, заступив на дежурство, немедленно обыскали весь дом, но Кейт никак не могла избавиться от мысли о том, что они могли все же что-то упустить и что тот, кто оставил в раковине дохлых мышей, мог и сейчас находиться в ее доме, где-то прятался, таился за закрытой дверью и подслушивал.

Утром она долго лежала в кровати, а теперь у нее осталось всего несколько минут для того, чтобы одеться и поехать на чтение завещания ее матери. Оно должно было состояться в десять утра в офисе Гордона. Они было думали, не перенести ли чтение завещания из-за угроз, но решили, что будет лучше поскорее покончить с этим. Когда Кейт вошла в кухню в выбранном ею для такого случая простом сером платье, Саймон читал газету. Отец Кейт сидел за столом и играл с Аннабел в «старую деву». С той ужасной ночи он не возвращался к себе домой. Он поселился в квартире на окраине Балтимора, на берегу залива. Эту квартиру они с Лили купили в прошлом году, чтобы ездить туда на выходные. Аннабел оторвала взгляд от карт и прыгнула со стула:

– Мапочка!

Кейт подхватила дочку на руки и вдохнула сладкий запах шампуня с клубникой:

– Доброе утро, мое солнышко! Кто выигрывает?

– Я! – прокричала Аннабел и бегом вернулась на свое место.

Кейт следом за дочерью подошла к столу, наклонилась и поцеловала отца в щеку. Она снова обратила внимание на то, что у него кожа землистого цвета, а взгляд отстраненный, рассеянный.

– Доброе утро, – проговорил Саймон, сложил газету и положил на стол перед собой. Он встал и спросил у жены: – Как ты себя чувствуешь?

– Так себе.

– Кофе?

– Да, спасибо.

Саймон налил ей чашку кофе французской обжарки, но когда Кейт брала у него чашку, пальцы у нее задрожали, и она уронила чашку. Кейт опустила глаза, посмотрела на пролитый кофе и разбитую чашку и залилась слезами. При виде расстроенной матери расплакалась Аннабел.

– О, детка! Все хорошо, – спохватилась Кейт. – Все нормально, с мамой все в порядке.

Она обнимала Аннабел, пока та не успокоилась.

– Кейт, тебе надо поесть, – сказал Саймон. Наклонившись, он вытер на полу пролитый кофе и осторожно собрал фарфоровые осколки.

Кейт утерла слезы тыльной стороной ладони:

– Не могу.

Саймон выпрямился, держа на ладони осколки чашки, и бросил взгляд на Харрисона. Но спорить с Кейт ни он, ни ее отец не стали.

– Будь добр, спроси у Хильды, готова ли она, – попросила Кейт. – И напомни ей: пусть возьмет с собой игрушки, чтобы Аннабел было чем заняться, пока мы будем у Гордона.

– Ты уверена, что хочешь взять с собой Аннабел? Не лучше ли ей будет остаться здесь? – мягко спросил Саймон.

Он смотрел на Кейт умоляюще, и она задумалась – уж не собрался ли он снова пытаться казаться любящим и заботливым отцом и мужем, с которым она бы захотела вновь соединить свою судьбу? Отчасти внимательность Саймона ее трогала. Все выглядело почти так, как было раньше.

Но хотя она понимала, что Саймон прав, что Аннабел будет лучше и даже безопаснее дома, при том, что он нанял такое число охранников, Кейт было необходимо, чтобы дочь сейчас была рядом с ней. Она отошла подальше от стола и сказала мужу шепотом, чтобы Аннабел не услышала:

– На днях умерла ее бабушка. – Ее слова для нее самой прозвучали так, словно это было неправдой. – Аннабел по-своему переживает, хотя и не все понимает. Она видит в доме полицейских и охранников. Она маленькая, но понимает: что-то происходит. Я хочу, чтобы она была рядом со мной.

– Пожалуй, я не думал об этом именно так, – признался Саймон. – Скажу Хильде, что мы готовы ехать.

Когда они сели в машину, Кейт обнаружила, что взяла не ту сумочку. Она посмотрела на Саймона и сказала:

– Погоди. Мне нужно обязательно взять с собой EpiPen¹⁸. Вдруг на обратном пути мы заедем перекусить.

Из-за аллергии на арахис Кейт была вынуждена всегда иметь при себе это лекарство. Как только они выехали на шоссе, Аннабел, сидящая на заднем сиденье с Хильдой, начала болтать

¹⁸ Раствор для инъекций эпипен предназначен для неотложной помощи (в том числе самопомощи) при развитии анафилактического шока. Специальная конструкция шприца-тюбика позволяет сделать внутримышечную инъекцию, даже находясь в полубессознательном состоянии.

и щебетала всю дорогу без умолку. А когда они въехали на подземную парковку, девочка ойкнула и рассмеялась, оказавшись в темноте. Кейт обернулась и улыбнулась, радуясь невинной непосредственности дочки.

Кейт забеременела, можно сказать, случайно, в первый год медицинской практики. Они с Саймоном еще не собирались иметь детей. Обоим предстояло сделать карьеру, и появление ребенка не входило в их планы. Однако, когда выяснилось, что Кейт беременна, они обрадовались. Она помнила, как лежала на столе во время ультразвукового обследования, Саймон сидел рядом с ней на стуле, а врач водил датчиком по ее животу, смазанному контактным гелем.

– Вот здесь сердцебиение, – сказал врач, и Кейт с Саймоном удивленно переглянулись.

А когда Аннабел родилась, они не могли представить себе жизни без нее.

И вот теперь, когда Саймон останавливал машину на парковке, Кейт смотрела на его профиль, и вдруг, несмотря на все, что произошло между ними, у нее возникло безотчетное желание прикоснуться к нему. Она любила Саймона – по крайней мере, любила еще несколько месяцев назад.

Она познакомилась с ним осенью, на первом курсе университета. Они оказались вместе на занятиях философией. В то время Кейт еще не оправилась от горя. Первый семестр после гибели Джейка прошел для нее как в тумане, а Саймон стал хорошим другом и помог ей пережить тоску и залечить разбитое сердце. А потом в один прекрасный день он стал для Кейт больше чем другом.

Саймон был совершенно не похож на Джейка. Он был темноволосым сердцеедом. Имея внешность кинозвезды, он явно мог покорить любую девушку, какую пожелает, а в Джейке сочетались тонкий ум и спокойная уверенность. Саймон никогда специально к себе внимание не привлекал, но не заметить его было просто невозможно. Поначалу Кейт Саймона особо не привечала, считая его не слишком умным красавчиком, не более того. Но со временем она поняла, что в нем есть кое-что, кроме внешней красоты. Саймон мог развеселить всю группу. Его остроумие служило искрой для того, чтобы вспыхивали дискуссии, а нотка неприличия всегда была ровно такой, что разговоры получались живыми. А когда Саймон предложил Кейт присоединиться к его учебной группе, она с какого-то момента стала ловить себя на том, что ждет встреч с ним. Семестр шел своим чередом, и ее чувства мало-помалу расцветали.

К ее собственному удивлению, Кейт ответила согласием, когда после окончания университета Саймон попросил ее стать его женой. Слово «да» слетело с ее губ в одно мгновение, она даже подумать не успела. А потом она решила, что так будет хорошо. Вместе они создадут хорошую жизнь, а своими различиями прекрасно дополняют друг друга. Разве так не лучше, чем жить с кем-то, кто слишком сильно на тебя похож? Наверняка это было бы скучно. Родителям Кейт сначала показалось, что помолвка слишком скоропалительна, поскольку Кейт встречалась с Саймоном меньше года. К тому же они напоминали дочери о том, что ей предстоят четыре года изучения медицины в университете Джона Хопкинса. Но в итоге родители поддержали Кейт – может быть, потому что были рады снова видеть ее счастливой.

До рождения Аннабел было несколько моментов, когда Кейт засомневалась, верное ли она приняла решение. Сказанные в день свадьбы сердитые слова Блер не выходили у нее из головы. Может быть, она и вправду выходила замуж за Саймона, чтобы забыться. Но Джейка больше не было. Лишь на краткий миг Кейт позволила себе представить, что это он ждет ее у алтаря, но тут же выкинула его образ из головы. В конце концов, она действительно любила Саймона.

Громкий автомобильный гудок заставил Кейт вздрогнуть, когда они впятером переходили Прэтт-стрит к офисам фирмы «Бартон и Ротман», – громаде из стали и стекла в центре

Балтимора, похожей на пирамиду, собранную из кирпичиков «Лего». «Бартон и Ротман» были из тех дней, когда прапрадедушка Кейт основал собственную фирму по продаже недвижимости, которая с годами превратилась в империю, а прапрадедушка Гордона вложил в эту империю деньги и стал ими управлять. С тех самых пор эти семейства были тесно переплетены, и деньги семейства Кейт находились в крепких руках семейства Гордона. Гордон теперь имел статус партнера и был умелым и ловким инвестором, но, увы, ему не довелось унаследовать обаяния и привлекательности своих предков.

Кейт поежилась от порыва ветра, притянула Аннабел ближе к себе и поправила ее шерстяную шапочку. Тротуары были запружены людьми – офисными служащими, мужчинами в костюмах и широких пальто и женщинами в стильных парках с капюшонами. Хватало здесь и туристов в пухлых пуховиках, прогуливавшихся по Иннер Харбор¹⁹, где в каждой витрине сверкали рождественские украшения. Кейт поймала себя на том, что опять слишком пристально всматривается в лица и ищет того, кто покажется ей подозрительным. Того, кто, быть может, следит за ней. Мышцы ее лица напряглись, все тело сжалось, как перед прыжком.

Как только они вошли в здание, Аннабел побежала к лифтам.

– Можно мне нажать на кнопочку? – спросила она, весело прыгая на месте.

– Конечно, – ответила Кейт.

На двадцать четвертом этаже двери кабины лифта открылись, и все вышли в зону рецепции «Бартон и Ротман» – фирмы, занимающейся финансовым планированием и консультациями в этой сфере. Сильвия, работавшая в фирме столько, сколько Кейт себя помнила, встала из-за своего рабочего стола, чтобы поприветствовать гостей.

– Доктор Майклс, Кейт, Саймон, – проговорила она. – Гордон ждет вас.

– Спасибо, – отозвался Харрисон.

Кейт задержалась у стола секретарши:

– Сильвия, скажите, нет ли у вас пустой переговорной комнаты или кабинета, где могли бы побыть моя дочь и ее няня, пока мы будем заняты?

– Конечно. Я о них позабочусь. Дорогу к кабинету Гордона вы знаете, – сказала она и повела Хильду и Аннабел по коридору в другую сторону.

Гордон стоял у двери своего кабинета.

– Доброе утро. Входите, – сказал он, пожал руку Харрисона, коротко кивнул Саймону и протянул руку Кейт.

Его ладонь была пухлой и влажной. Кейт попыталась освободить руку, но Гордон сжал ее пальцы крепче и обнял ее. Кейт сделала вдох, отстранилась и села в одно из трех кожаных кресел перед столом Гордона.

– Хотите кофе или чая? – спросил Гордон, не сводя глаз с Кейт.

Харрисон кашлянул.

– Нет, спасибо. Давай поскорее покончим с этим.

Гордон отошел к своему письменному столу, едва заметно кивнул и одернул края жилета. Только после этого он сел. Саймон всегда говорил, что Гордон – зануда и воображала, но Кейт отлично знала, что при всем том Саймон пусть нехотя, но отдает должное блестящим способностям Гордона в управлении финансами.

– Сегодня перед нами печальная задача, – начал Гордон, и Кейт вздохнула в ожидании продолжения.

¹⁹ Иннер Харбор (внутренняя гавань Балтимора), расположенная в самом центре даунтауна, является гордостью города. Сейчас это торгово-развлекательная территория. Доки и улицы вокруг гавани заполнены музеями, ресторанами, магазинами и развлекательными площадками. Значимые места Inner Harbor: Национальный аквариум, Научный центр Мэриленда, детский морской музей, торговый центр. На пирсах Inner Harbor пришвартована целая флотилия кораблей: парусник Constellation, подводная лодка Второй мировой войны USS Torsk и другие суда.

Гордону всегда удавалось выглядеть так, словно он сошел со страниц романа «Холодный дом»²⁰.

– Я уверен, что вам известно, Харрисон, в завещании вашей жены со всей определенностью сказано: половина ее имущества отходит к вашей дочери, а часть, в виде доверительной собственности, вашей внучке.

Харрисон кивнул:

– Да, конечно. Я был здесь с Лили, когда она делала эти распоряжения.

Кейт посмотрела на отца.

– Не думаю, что это правильно, – возразила она. – Хватило бы только доверительной собственности для Аннабел. Остальное должно было отойти к тебе, папа.

На взгляд Кейт, в деньгах они с Саймоном не нуждались. Они вполне достаточно зарабатывали в плюс к ценным бумагам Кейт, и в свое время ее родители подарили им очень щедрый чек, позволивший Кейт и Саймону приобрести земельный участок и построить собственный дом.

– Нет, Кейт. Так хотела твоя мама. Точно так же посту пили с имуществом ее родители. А мне деньги ни к чему. Мне просто жаль, что ее нет с нами...

Его голос сорвался.

– Но все же... – произнесла Кейт, однако Саймон прервал ее:

– Я согласен с твоим отцом. Если она так хотела, мы должны с уважением отнестись к ее воле.

Тень пробежала по лицу Харрисона. Кейт показалось, что в его глазах мелькнуло раздражение. Ее тоже покорило вмешательство Саймона. Не его это было дело, и не стоило ему ничего говорить.

– Должен согласиться с Саймоном, – проговорил Гордон, и Кейт опустила голову. Она-то отлично знала, чего стоит Гордону согласиться с Саймоном хоть в чем-то. – Имущество весьма значительное. Тридцать миллионов Харрисону и тридцать тебе, Кейт, из которых десять в виде доверительной собственности отходят Аннабел.

Кейт знала, что сумма будет значительной, но все же была удивлена. Наследство, доставшееся от матери, прибавлялось к миллионам, оставленным ей бабушкой. Немалая часть этих денег была использована на создание Детского кардиологического фонда, обеспечивающего бесплатным лечением детей, не имевших медицинской страховки. Фонд брал на себя все расходы, включая оплату жилья для родителей на то время, пока дети находились в больнице. Кейт и Харрисон – оба они были кардиохирургами-педиатрами – принимали больных со всей страны, и средства фонда помогали им посвящать значительную часть своей деятельности оказанию бесплатной помощи.

Кейт села прямее, наклонилась вперед.

– Я хочу вложить часть денег в качестве доверительного взноса в фонд, – сказала она Гордону. – Ты сможешь организовать встречу с Чарльзом Хэммерсмитом, чтобы он мог обсудить это с нашим поверенным?

– Конечно, – кивнул Гордон. – Сразу же займусь этим.

Саймон кашлянул.

– Может быть, стоит немного повременить и подумать, сколько именно денег мы решим вложить в фонд, до встречи с ними.

Гордон перевел взгляд с Кейт на Саймона и вернулся к ней. Он ждал ее ответа.

– Договорись, пожалуйста, о встрече, Гордон, – сказала она, повернула голову к Саймону и натянуто улыбнулась: – У нас будет достаточно времени, чтобы это обсудить.

Гордон сложил ладони и склонился к столу:

²⁰ Роман Чарльза Диккенса.

– Не знаю, как быть... пожалуй, просто скажу вам.

Он выдержал драматичную паузу. Все в ожидании смотрели на него.

– В чем дело? – не выдержал Харрисон.

– Мне звонила Лили. – И снова пауза. – Это было за день до того, как... она... Кхм... в общем, она попросила меня никому об этом не говорить... но теперь ее нет... словом, она хотела приехать и внести изменения в завещание.

– Что? – одновременно вырвалось у Кейт и Харрисона.

Гордон печально кивнул:

– Как я понимаю, вам ничего об этом неизвестно?

Кейт посмотрела на отца. Тот побледнел.

– Нет, мы ничего не знаем, – сказала Кейт. – Ты уверен, что она хотела встретиться с тобой именно для этого?

– Совершенно уверен. Она подчеркнула, что хочет сделать это в присутствии нотариуса. Я вынужден был сообщить об этом полиции, естественно. И хотел, чтобы вы об этом узнали.

Харрисон шагнул к столу Гордона:

– Что именно сказала моя жена?

Щеки Гордона покраснели.

– Я только что сказал. Она хотела изменить свое завещание. Ее последние слова перед тем, как она повесила трубку, были: «Буду признательна тебе, если это останется между нами».

Кейт снова посмотрела на отца, пытаясь разгадать его настроение. Но его лицо было непроницаемым.

– Есть еще что-нибудь или мы можем идти? – спросил Харрисон скованным голосом.

– Нужно только кое-что подписать, – ответил Гордон.

После подписания бумаг встреча закончилась, Гордон вышел из-за стола и сжал руки Кейт в своих ладонях:

– Если есть что-то, хоть что-нибудь, что я могу сделать для тебя, пожалуйста, звони мне.

Он отпустил ее руки и крепко обнял.

Гордон всегда был ужасно неловок и несуразен, а они были знакомы с детских лет.

В детстве у него было несколько друзей, они остались дружны и подростками. А вот была ли у Гордона хоть одна девушка, этого Кейт не знала. По крайней мере, в юности не было. Он всегда был странным – к примеру, не носил джинсы, предпочитая им (помимо школьной формы) клетчатые или цветастые брюки для гольфа, крахмальные рубашки и галстуки-бабочки. Кейт никогда не чувствовала себя рядом с ним комфортно, но при этом всегда приходила к Гордону на выручку, если кто-то начинал над ним потешаться. В общем, хотя Кейт и не считала Гордона своим другом, им приходилось то и дело сталкиваться из-за того, что их родителей связывали между собой долгие отношения.

Как-то раз, когда Кейт было почти тринадцать, а Гордону – четырнадцать, в доме Бэрронов была устроена традиционная новогодняя вечеринка, и он ее остановил.

Праздник был в разгаре. А Гордон сказал:

– Какая скучотища. Пойдем. Покажу тебе кое-что интересное.

– Не думаю, что стоит. Как-нибудь в другой раз.

Кейт попятилась.

А Гордон шагнул ближе к ней:

– Пойдем. Тебе понравится. Обещаю.

– Что мне понравится?

– Мой новый арт-проект. Я над ним несколько месяцев работал. Пошли со мной.

Гордон хотел взять ее за руку, но Кейт крепко сжала ладони, и Гордон первым вышел из комнаты.

Кейт пошла за ним в дальнее крыло большого дома, где она прежде никогда не бывала. Гордон провел ее по длинному коридору и остановился перед закрытой дверью. Обернувшись, он сообщил:

– Мама подарила мне эту комнату на Рождество. Для моих арт-проектов.

Гордон достал из кармана ключ и вставил в замочную скважину. Кейт провела кончиком языка по верхней губе и ощутила солоноватый вкус испарины. Дверь открылась, Гордон щелкнул выключателем. Мягкий свет наполнил небольшую комнату, где сразу стало тепло и уютно. Стены здесь были выкрашены в темно-красный цвет, повсюду висели большие черно-белые фотографии с изображением старинных рядных домов.

– Это ты снимал? – спросила Кейт, шагнув ближе к одному из снимков в рамке.

– Я, – кивнул Гордон. – Какое-то время назад. Но я хочу показать тебе то, над чем работаю сейчас.

Он нажал на кнопку на стене и подошел к металлическому столу, где стояли компьютер и проектор. Услышав шуршание, Кейт обернулась и увидела, как опускается киноэкран.

– Сейчас приглушу свет, – сказал Гордон, включив проектор.

На экране замелькали кадры с изображениями домов. Вскоре камера сосредоточилась на одном доме. Медленно-медленно изображение начало увеличиваться, и наконец Кейт смогла разглядеть обитателей дома. Стройная светловолосая женщина сидела на диване и смотрела телевизор, а двое маленьких детей расположились на полу и играли в какую-то игру. Затем камера отступила, и в поле зрения возник другой дом. И снова камера приблизилась, и стали видны две женщины. Одна сидела за кухонным столом, а вторая стояла возле раковины и мыла посуду. Запись продолжалась и демонстрировала дела, которыми занимались жители домов. Когда видео закончилось, Гордон выключил проектор и зажег свет.

Кейт была ошеломлена.

– Ну, и как тебе это нравится? Я несколько месяцев работал. Назову это «Современное мещанство».

Гордон просто-таки сиял от гордости.

– Гордон. Ты шпионишь за людьми!

– Не шпионю я. Любой бы это увидел, если бы подошел поближе и заглянул.

– Ну уж нет. Это как любопытный Том²¹.

Гордон явно сильно расстроился – это было заметно по его лицу.

– А я думал, что тебе это понравится.

– Фотограф ты действительно хороший, но думаю, в следующий раз тебе стоило бы взять другую тему. И давай вернемся.

Они вышли из комнаты в молчании. Но как это ни было странно, Кейт стало жалко Гордона. Сам-то он явно восхищался своим проектом и однозначно был не без способностей. Но ему и в голову не приходило, что этот проект был откровенным нарушением прав человека на частную жизнь, и это Кейт очень не понравилось. Это ей не нравилось до сих пор, но она старательно не допускала, чтобы ее личное отношение к Гордону хоть как-то сказывалось на их деловых связях. После того давнего эпизода Гордон ни разу не переходил черту в общении с Кейт, поэтому она последовала семейной традиции – поручать Бартонам вести все ее денежные дела. А то происшествие Кейт всеми силами старалась забыть и говорила о нем только с Блер.

²¹ «Любопытный Том» – английская идиома, близкая к «любопытной Варваре», однако происходит из легенды о леди Годиве, в которой ее муж, правитель города, предложил проехать по улицам верхом на коне обнаженной – только при таком условии он был согласен снизить для горожан налоги. Все жители Ковентри, где случилась эта история, отвернулись или зажмурились, чтобы не увидеть прекрасную женщину. Один лишь только портной Том подглядел за ней, однако был наказан слепотой.

Когда они вышли из кабинета Гордона, Саймон положил руку на плечо Кейт.

– Мы закончили, Сильвия, – сказала Кейт секретарше.

– Аннабел и Хильда там, дальше по коридору. Я провожу вас к ним, – сказала Сильвия и пошла вперед.

Кейт, Саймон и Харрисон зашагали следом за ней.

Сильвия открыла дверь переговорной комнаты. Кейт переступила порог, и у нее замерло сердце. В комнате никого не было. На столе лежала коробка с цветными карандашами. На пол упала наполовину раскрашенная картинка.

Сердце Кейт бешено заколотилось. У нее было такое чувство, что она сейчас лишится сознания.

– Где она? – с трудом выговорила Кейт. – Где моя дочь?

– Я... я... – озадаченно вымолвила Сильвия.

У Кейт закружилась голова. Отец взял ее за руку:

– Кейт, милая. Наверняка они просто пошли в туалет.

Кейт, не раздумывая, выбежала из переговорной комнаты и, промчавшись по коридору, распахнула дверь женского туалета.

– Аннабел? Хильда? – крикнула она хрипло, истерично.

Но ответа не последовало. Послышался шум сливного бачка, из кабинки вышла молодая женщина в деловом костюме. Она явно смутилась.

Куда же они подевались? Кейт выскочила в коридор и увидела, что к ее мужу и отцу присоединился Гордон.

– Кейт... – проговорил Гордон, но не успел вымолвить еще хоть слово, как послышался мелодичный звон, и распахнулись двери кабины лифта.

– Мапочка, посмотри, что мне дала мисс Хильда!

Кейт резко обернулась и увидела Аннабел, стоящую в кабине лифта. Девочка улыбалась и держала яблоко и коробку с соком.

Кейт бросилась к ней, остановилась и подхватила дочку на руки. Уткнувшись носом в плечо Аннабел, она вся дрожала от радости и облегчения.

– Мапочка, у меня сок проливается, – чуть укоризненно выговорила Аннабел.

Кейт отбросила назад кудряшки со лба малышки:

– Прости, детка.

– Папочка, смотри, что у меня есть.

Саймон взял у Кейт дочку и закружил. Аннабел взвизгнула от радости.

Кейт повернулась к Хильде:

– Вы меня до смерти напугали. Как вы могли вот так взять и уйти?

Хильда попятилась, словно ее ударили:

– Простите, Кейт. Она проголодалась, а я вспомнила, что на нижнем этаже есть магазин. Вы же знаете, я бы ни за что не позволила, чтобы с ней что-то случилось. Я за ней, как орленок, слежу.

Вид у нее был такой, будто она вот-вот расплачется.

Кейт была в ярости. Хильде было сказано, насколько серьезно и важно всем быть начеку. У Кейт все еще пылали щеки, но язык она придержала. Она слишком хорошо понимала, что от злобных слов в непростой ситуации напряжение только возрастает. Ничто так не важно в операционной, как спокойствие. Все они сейчас пребывали в состоянии стресса, но Кейт решила, что обязательно будет долго говорить с Хильдой дома, но так, чтобы этого не слышала Аннабел.

– У нас у всех нервы на пределе. Все нормально, – вмешался Саймон. – А теперь давайте пойдем.

Он успокаивающе посмотрел на Кейт.

Когда они вышли на стоянку, Кейт пошептала с Саймоном и отвела в сторонку Харрисона.

– Что это могло значить? – спросила Кейт. – С какой стати маме могло понадобиться изменять завещание?

Харрисон покачал головой:

– Не знаю, но я бы не стал так уж сильно из-за этого переживать. Может быть, это было как-то связано с фондом.

Для Кейт эти слова ничего не объяснили.

– Но почему она попросила Гордона сохранить этот разговор в тайне?

Глаза отца едва заметно сердито сверкнули.

– Я же сказал тебе, Кейт, я не знаю.

– Мамочка, я устала! – крикнула от машины Аннабел.

– Иду! – крикнула в ответ Кейт.

Но мысль о том, что мать хотела изменить завещание, упорно не выходила у нее из головы.

Они подошли к машине, где их ждали Аннабел, Саймон и Хильда. Харрисон наклонился и поцеловал внучку в щеку:

– До скорого, аллигатор.

Аннабел весело хихикнула:

– Пока, крокодил²².

Кейт взяла отца под руку:

– Лучше бы ты остался у нас. Просто сердце разрывается, как представляю, что ты один там, в квартире.

– Все со мной будет хорошо. Мне нужно побыть среди ее вещей. – Он немного помолчал и добавил: – Завтра буду на работе.

Кейт пришла работать в кардиологическую клинику отца после окончания интернатуры и ординатуры. Сама она сейчас и подумать не могла о работе, о пациентах.

– Так скоро? – удивилась она. – Ты уверен?

Она не знала, когда вернется к работе – по крайней мере, ей казалось, что это не случится в ближайшее время. Пока убийца разгуливал на свободе, она ни за что не разлучилась бы с Аннабел.

– А что же мне еще делать, Кейт? – пожал плечами Харрисон. – Мне нужно чем-то занять себя, иначе я с ума сойду. К тому же мои пациенты во мне нуждаются.

Кейт кивнула:

– Пожалуй, я тебя понимаю. Но я пока не могу. Мне нужно еще какое-то время. Я попросила Кэти отложить прием моих пациентов на несколько недель.

– Ну и хорошо. Побудь дома, сколько нужно. Херб и Клер готовы взять на себя твои операции, пока ты не будешь готова вернуться.

– Пожалуйста, поблагодари их от меня, – сказала Кейт, поцеловала отца и пошла к машине.

Саймон отъехал от стоянки, и Кейт услышала негромкий голос Хильды. Она сидела с Аннабел на заднем сиденье и читала девочке книгу. Они проехали всего несколько миль, и Аннабел заснула. Все трое взрослых до окончания пути молчали. Каждый из них был погружен в собственные мысли. Кейт радовалась тому, что во второй половине дня ее навесит Блер. Ей

²² «See you later, alligator. After while, crocodile». Строчки из рок-н-ролла Билла Хейли. По-английски слова чудесно рифмуются. По-русски сложнее. Но чтобы можно было спеть, пришлось слегка изменить смысл последнего высказывания. Получилось: «Ну, до завтра, аллигатор! Как ты мил, крокодил».

нужно было с кем-то поговорить. Должна была существовать какая-то связь событий, какая-то подсказка, которую она не замечала, не видела.

Глава шестая

Прежде всего, оказавшись на подъездной дороге у дома Кейт, Блер заметила двоих мужчин в черных костюмах и пальто, стоявших перед входной дверью. Как только она остановила свой кабриолет и вышла, один из мужчин подошел к ней:

– Вас ожидают, мэм?

– Да. Я подруга Кейт, Блер Баррингтон.

Охранник предостерегающе поднял палец и открыл блокнот:

– Ваше имя тут записано, но мне нужно увидеть какой-нибудь ваш документ. Пожалуйста.

Ее книг он явно не читал. Но правду сказать, невзирая на ее славу, мало кто узнавал ее в лицо. Время от времени – обычно в ресторанах – кто-нибудь просил у нее автограф. Но чаще всего она жила неузнанной. Подписывание книг было из другой оперы, как говорится. Они с Дэниелом привыкли к тому, что за автографами выстраивались длиннющие очереди, и к концу этих мероприятий у каждого из них болела рука. И Блер это просто обожала.

Она вытащила и протянула охраннику водительское удостоверение. Тот заснял его камерой своего телефона и дал Блер знак, что она может войти в дом. Дверь открылась, когда она еще не успела постучать. На пороге стояла Кейт, бледная, осунувшаяся.

– Что это за люди в черном? – спросила Блер.

Кейт была готова ответить, но покачала головой:

– Их Саймон нанял. На всякий случай...

Закрыв дверь и заперев ее на засов, Кейт пошла впереди Блер по коридору к кухне.

– Селби здесь. Решила меня проведать.

Блер мысленно застонала. Меньше всего ей хотелось встречаться с Селби. На поминках они только поздоровались. Селби сидела не с другими женщинами, а со своим мужем, Картером. А теперь выбора не было – придется с ней разговаривать.

Когда они с Кейт вошли в кухню, Блер восхищенно огляделась по сторонам. Все выглядело просто сказочно – так, как могло бы выглядеть на старинной тосканской вилле. Красивый плиточный пол, смотревшийся так, словно каждую плитку цвета терракоты привезли из Италии. Свет, струившийся сквозь застекленный сводчатый потолок с грубо обтесанными деревянными стропилами, озарял полированные рабочие поверхности и высоченные шкафы. Здесь создавалось то же ощущение старины, как в других помещениях дома, но добавлялся легкий привкус антикварной Европы.

Селби сидела за столом, который, казалось, был выточен из одного могучего ствола. Края деревянной плиты были обработаны грубовато, и это придавало столу элегантную простоту. На руках у Селби сидела Аннабел, и Селби ей что-то читала. Селби оторвала взгляд от книги. Судя по взгляду, она явно расстроилась.

– О, привет, Блер.

Селби изучила Блер обычным неприязненным взглядом. Но теперь это Блер несколько не задевало. Она знала, что выглядит хорошо. Пусть она уже не была такой стройняшкой, как в старших классах школы, но благодаря времени, проводимому в спортзале, и строгой диете она все еще могла натянуть джинсы. А ее волосы, которые в школьные годы невозможно было умирить и зачесать назад, теперь стали гладкими и прямыми благодаря современному чуду под названием «кератин». Селби уставилась на кольцо с бриллиантом в восемь карат на левой руке Блер.

Блер ответила спокойным взглядом и неохотно признала, что годы были благосклонны к Селби. Если она и изменилась, то стала привлекательнее, чем в школьные годы. Волосы, мягкими волнами обрамлявшие ее лицо, были кое-где осветлены, что смягчало черты лица.

Украшения у Селби были прекрасные – серьги с крупными жемчужинами, золотой браслет и кольцо с сапфиром и бриллиантами. Блер знала, что кольцо старинное, фамильное. Картер показывал его Блер давным-давно – еще до того, как он внял настояниям родителей подыскать «подходящую» пару.

– Привет, Селби. Как поживаешь? – спросила Блер, отведя взгляд от Селби. Она вытащила из сумки мягкую игрушку – лилового единорога – и протянула Аннабел. – Аннабел, я старая подруга твоей мамы, меня зовут Блер. Я подумала, что ты захочешь подружиться с Санни. Это девочка.

Аннабел мигом спрыгнула с колен Селби, схватила игрушку и прижала к груди:

– Можно мне ее взять себе?

– Конечно. Я нашла ее специально для тебя.

Улыбнувшись от уха до уха, девочка еще крепче обняла единорога. Блер была рада тому, что игрушка так понравилась Аннабел.

– Где же твои хорошие манеры, Аннабел? – чуть укоризненно проговорила Кейт. – Скажи «спасибо».

Аннабел пару секунд очень серьезно смотрела на Блер и стеснительно пробормотала:

– Спасибо.

– Пожалуйста, Аннабел. Тетя Блер любит дарить подарки.

– Вот не знала, – с нескрываемым раздражением заметила Селби, – что ты уже «тетя»

Блер.

«Неужели хоть на один день Селби не может отказаться от своей язвительности?» – подумала Блер. Однако препираться с Селби она не собиралась, поэтому обратилась к Кейт:

– Ты же не против, чтобы она меня так называла?

Кейт взяла Блер за руку и сжала ее пальцы:

– Конечно же нет. Мы были с тобой как сестры, да мы и сейчас как сестры, – поправила она себя.

– А помнишь, как мы с тобой разыгрывали из себя сестреночек, когда ходили на тусовки в универе? – спросила Блер. – И еще имена себе придумали. Анастасия и...

– И Корделия! – заливаясь смехом, подхватила Кейт.

Селби сделала большие глаза:

– Да уж, с ума сойти.

Блер вспомнила те годы. Несмотря на то что Кейт была блондинкой, а Блер – брюнеткой, люди им верили. Они так много времени проводили вместе, что стали разговаривать похоже. Их выговор стал почти одинаков по интонации и темпу, они даже смеяться начали сходно.

До знакомства с Кейт Блер часто гадала, каково это – вырасти в нормальной семье, с матерью, которая готовит тебе завтрак и заботится, чтобы ты взяла с собой полезный ланч, а потом ждет тебя дома, чтобы помочь тебе сделать уроки, или просто спросит, как у тебя дела в школе. Блер было всего восемь лет, когда не стало ее матери, и очень скоро она превратилась в центр вселенной для своего отца. В пятом классе она научилась готовить лучше, чем когда-либо готовила ее мать. Ей ужасно нравилось баловать отца деликатесами. Через какое-то время Блер полюбила заботу о себе самой и отце. Это помогало ей ощущать себя взрослой. А потом все переменялось – когда в их доме появилась Энид Тернер.

Энид была менеджером по продажам в компании отца. Неожиданно она начала приходить к ним в дом каждую неделю ужинать. Шесть месяцев спустя отец усадил Блер перед собой и с дурацкой улыбкой спросил:

– А ты хотела бы иметь новую маму?

Блер почти сразу поняла, о ком речь.

– Если ты говоришь про Энид, то спасибо, не хочу.

Отец взял ее за руку:

– Ты же знаешь, я ее очень полюбил.

– Догадываюсь.

Отец смотрел на нее, продолжая по-идиотски улыбаться:

– В общем, я попросил ее стать моей женой.

Блер вскочила с дивана и встала перед отцом. Горькие слезы застлали ее глаза.

– Ты не можешь так поступить!

– Я думал, ты обрадуешься. У тебя будет мама.

– Обрадуюсь? С чего это мне радоваться? И никогда она не будет моей мамой!

Мать Блер, Шейна, была красивой и чудесной. У нее были длинные рыжие волосы и лучистые глаза. Иногда они с Блер играли в наряды. Мама была как бы кинозвездой, а Блер – ее костюмершей. Мама обещала, что в один прекрасный день они вместе поедут в Голливуд, и хотя мама уехала туда одна, Блер верила, что она вернется за ней, когда устроится там.

Каждый день она ждала письма или открытки. Она искала лицо матери на афишах кинофильмов и в телешоу. Отец то и дело советовал ей забыть о Шейне, говорил, что она уехала навсегда. Но Блер не могла поверить, что мать могла бросить ее насовсем. Может быть, просто она ждала момента, когда станет настоящей звездой, а уж потом вернется за ней. Но прошел год, а от матери не было никаких вестей. Вот тогда Блер начала волноваться. Значит, с матерью что-то случилось. Блер стала просить отца, чтобы они вместе поехали в Калифорнию и поискали там мать. Отец грустно покачал головой. Он сказал Блер, что ее мать жива.

Блер ошарашенно посмотрела на отца:

– Ты знаешь, где она?

Он ответил не сразу.

– Не знаю. Знаю только, что каждый месяц она исправно получает от меня алименты.

Блер была еще мала и не удивилась тому, что отец продолжает посылать ее матери деньги, хотя они развелись. Нет, она во всем обвинила его и убедила себя в том, что он лжет и нарочно делает так, чтобы они с матерью не виделись. Она верила, что скоро мама вернется за ней, а если Голливуд оказался не таким, каким она его себе представляла, может быть, мать вернется домой.

И когда отец сообщил ей о том, что собирается жениться на Энид, Блер убежала в свою комнату и заперла дверь. Она объявила отцу, что не будет ни есть, ни спать, ни разговаривать с ним, если он сделает это. Нет, она ни за что не смирится с тем, чтобы эта тупая Энид Тернер переехала к ним в дом и стала ей указывать, что делать. Ни за что на свете Блер не позволит ей отнять у нее отца. Да как он мог вообще смотреть на Энид после брака с матерью Блер? Шейна была яркой красавицей, а Энид была обычной и скучной. Но тем не менее месяц спустя они обвенчались в местной методистской церкви, и Блер пришлось стать свидетельницей, хотя она этого жутко не хотела.

Очень быстро комнатушка, где Блер с друзьями смотрели телевизор или играли в дартс, превратилась в «мастерскую» Энид. Энид выкрасила там стены в розовый цвет и развесила свои «произведения» – картинки, раскрашенные по цифрам, с изображением собак различных пород, а игры и игрушки Блер перекочевали в подвал.

В первую же ночь после свадьбы, когда отец и Энид заснули, Блер прокралась в свое бывшее «логово». Схватив с туалетного столика толстый маркер, она пририсовала кокер-спаниелю очки, золотистому ретриверу – усы, а черному лабрадору – черную сигару в пасти. Она сложилась от сдавленного смеха пополам.

Наутро из этой комнаты слышались крики Энид, и Блер прибежала туда. Глаза у ее мачехи были красными и распухшими от слез.

– Зачем ты это сделала? – обиженно спросила Энид.

Блер невинно вытаращила глаза:

– Я ничего не делала. Может быть, ты ходила во сне, вот и нарисовала все это сама.

– Ну уж нет. Я знаю, это сделала ты. Ты ясно дала понять, что не хочешь, чтобы я тут жила.

Блер выпятила подбородок:

– Нет, наверняка это сделала ты, чтобы на меня вину свалить.

– Послушай меня, Блер. Можешь морочить голову своему отцу, но только не мне. Ты можешь меня не любить, но я не потерплю неуважения и лжи. Ты меня понимаешь?

Блер промолчала. Несколько секунд они молча смотрели друг на дружку.

Наконец Энид процедила сквозь зубы:

– Давай выметайся отсюда.

С того дня, что бы ни случилось в доме, Энид во всем обвиняла Блер. Отец полюбил новую жену, стал предан ей, а на дочь начал обращать все меньше внимания. Он и пальцем не шевелил, чтобы защитить дочь. Очень скоро Блер расхотелось возвращаться домой, и она делала все, что только могла, чтобы этого избежать. Прожить год с лишним под одной крышей с Энид – этого оказалось больше, чем могла вынести Блер, поэтому, когда ее решили отправить учиться в дорогую частную школу, это стало просто подарком с небес. После восьмого класса в Мэйфилде она приехала на лето домой, но на втором году учебы Лили предложила Блер остаться на лето у них в Бетани, в доме на побережье, в штате Делавэр. Блер была уверена, что отец не разрешит, но хватило одного телефонного звонка Лили – и все было улажено.

Блер влюбилась в этот дом с первого взгляда. Наружные стены были отделаны кедровой дранкой. Белые веранды и крылечки выделялись на фоне темного дерева, и им вторили бело-снежные дверные и оконные рамы. Дом разительно отличался от того, в котором выросла Блер, построенного в колониальном стиле²³, где все комнаты представляли собой скучные прямоугольники, а мебель обязательно покупалась гарнитурами. Дом на берегу был наполнен просторными комнатами с белыми стенами и большими окнами, выходившими прямо на океан. Мягкие диваны и кресла с цветастой обивкой были специально расставлены так, чтобы можно было наслаждаться видом на море, расположившись уютными группами. Но самым потрясающим был шум разбивающихся о берег волн и влетающий в открытые окна воздух, пахнувший морем. Никогда в жизни Блер не видела такого удивительного дома.

Кейт взяла ее за руку и повела наверх. Там находилось пять спален. В спальне Кейт, большой комнате рядом с хозяйской спальней, стены были выкрашены в бледно-зеленый цвет. Французские двери выводили на маленький балкон с видом на берег. Все в этой комнате было белым – балдахин над кроватью, подушки на стульях. Только одеяло было ярко-розовым, и на нем были вышиты фигурки русалок. И на стенах висели картины с изображениями русалок, и на полках одного из книжных шкафов стояли статуэтки, изображавшие русалок. А над кроватью, на стене, ярко-синими морскими стеклышками было выложено имя Кейт. У Кейт было все – мать и отец, которые давали ей все, чего бы она ни пожелала, и в том числе, этот дом на побережье. У Блер вдруг перехватило дыхание. Одиночество и пустота ее жизни комом сжали ее горло.

– Потрясающая у тебя комната, – еле выговорила она.

Кейт пожала плечами:

– Нормальная. В смысле... я для этих русалочек уже довольно-таки взрослая. Все прошу маму купить мне новое одеяло, а она все время забывает.

Блер была в шоке. У Кейт было столько всего, а она жаловалась на какое-то глупое одеяло? Но не успела Блер вымолвить хоть слово, как Кейт схватила ее за руку:

²³ Новоанглийский колониальный стиль – особняки переселенцев, возведенные в период с 1620-х по 1740-е годы в регионе Новая Англия. Они с крутыми, черепичными или покрытыми дранкой крышами, с боковыми фронтонами и узкими карнизами, заметными печными дымоходами. Окна в этих домах сравнительно небольшие, а стены если и украшены, то очень неброским орнаментом.

- Ты еще свою комнату не видела! Глаза Кейт сияли от радостного волнения.
- Мою?
- Пошли.

Она привела Блер в комнату напротив, где на стене над кроватью было выложено морским стеклышками ее имя – Блер.

Блер потеряла дар речи. Она не знала, что думать и как себя чувствовать. Никто по отношению к ней не вел себя так щедро, с такой добротой.

- Нравится? Мама приехала сюда на прошлой неделе и обо всем позаботилась.

Блер подбежала к окну и отдернула штору. Конечно, она была ужасно расстроена, хотя можно было сразу понять, что вида на море из этого окна не будет, ведь комната находилась напротив спальни Кейт. Но Блер сумела скрыть разочарование и скованно улыбнулась:

- Очень нравится.

– Я рада. Но конечно, спать-то мы с тобой наверняка будем вместе, чтобы всю ночь болтать.

Так оно и вышло. Они спали то в кровати Кейт, то в кровати Блер. Лежали в темноте и поверяли друг другу все свои секреты. Так что Блер, по идее, вовсе не нужна была своя комната, однако Лили, мудрая женщина, понимала, что это значит для девочки. Потом Блер каждый год проводила лето у них, в доме на берегу, до того лета, когда Кейт и Саймон поженились. Блер не знала, сохранился ли у них тот дом и бережет ли Кейт традиции своей матери – к примеру, есть ли в доме для Аннабел такая же спальня.

Селби встала и чмокнула Кейт в щеку:

- Пойду, пожалуй. Не забывай – если что-то понадобится, только дай знать.

Селби взяла сумочку. Блер узнала цветочный принт, характерный для итальянских дизайнерских сумок Fendi.

«Веселенькие цветочки совсем не вяжутся с характером Селби», – подумала Блер. А на ее взгляд, Селби больше бы подошла Traviata от Launer – любимая модель английской королевы, – ну, скажем, черная или темно-зеленая. Да и носить эту сумку Селби могла бы в точности как Елизавета – повесив через руку.

– Я провожу тебя, – сказала Кейт и перевела взгляд на Блер: – Ты не присмотришь за Аннабел минуточку?

- С радостью. – Блер повернулась к Аннабел: – Хочешь, я дочитаю тебе сказку?

Девочка протянула Блер книгу «Щедрое дерево»²⁴.

- Это одна из моих любимых, – сказала Блер.

Блер усадила дочку Кейт себе на колени и начала читать. Аннабел сидела, прижав к себе одной рукой девочку-единорога по имени Санни. Аннабел была просто чудесна – огромные карие глаза и милая улыбка. В ней было что-то, неуловимо напоминавшее Лили, – наверное, нежность. Какая жалость, что Лили не увидит, как будет расти ее внучка.

- Тетя Блер, читай! – поторопила Блер девочка.

- Прости, детка.

В этот момент в кухню вбежала запыхавшаяся Селби. Сдвинув брови, она выпалила:

- Понятия не имею, что происходит, но что-то стряслось!

- Ты о чем? – спросила Блер, усадив Аннабел по – удобнее.

– Там полиция приехала. Они привезли какой-то сверток, – сообщила Селби. – Разговаривают с Кейт и Саймоном. Я, конечно, еще побуду тут, но я записана на массаж.

- Ясное дело, массаж пропускать тебе не хочется, – проговорила Блер.

Селби зыркнула на нее:

²⁴ Книжка в картинках американской писательницы Шел Силверстайн.

– Пожалуй, позвоню и откажусь. Я – лучшая подруга Кейт. Я ей нужна.

Почему Селби никак не могла успокоиться? Они уже давно не были одноклассницами. Блер чувствовала, что закипает, но заставила себя сдержаться. Сделав глубокий вдох, она твердо решила, что не произнесет ни единого слова, о котором потом будет сожалеть. Она осторожно навела на палец локон Аннабел, глядя на Селби, и проговорила спокойным голосом:

– Я же здесь. Поезжай на свой массаж. С Кейт все будет в порядке.

Селби покраснела:

– Зачем ты вернулась? Мало тех бед, которые ты натворила перед ее свадьбой?

Неужели Селби это всерьез говорила? На днях убили мать их подруги, а Селби только о том и думала, чтобы ворошить прошлое? Блер перестала сдерживаться и дала волю своему гневу. Она пересадила Аннабел на стул, встала поближе к Селби и сказала шепотом, чтобы девочка не слышала:

– Что с тобой? Лили мертва, и Кейт нуждается в поддержке, какую только мы все можем ей оказать. Сейчас не время для твоих мелочных придирок.

Слова «мы все» Селби явно польстили. Она разжала губы, но не смогла произнести ни слова в ответ.

– Думаю, тебе пора, – сказала Блер. – Тебе явно надо сбросить напряжение.

Селби одарила ее свирепым взглядом, зажала сумочку под мышкой и маршевым шагом покинула кухню.

Глава седьмая

Кейт постучала в дверь кабинета мужа – дверь была слегка приоткрыта.

– Саймон, детективу нужно поговорить с нами.

Саймон оторвал взгляд от компьютера и прочесал волосы пятерней. Кейт вошла к нему с Андерсоном.

– В чем дело? – спросил Саймон. – Кого-нибудь арестовали?

– Нет, сэр, – ответил Андерсон из-за спины Кейт. – Но была доставлена посылка.

– Откуда? – нетерпеливо спросил Саймон. – И что в ней?

Андерсон подошел к столу. Кейт в ужасе смотрела на коробку, которую он держал в руках. Она прижала ладонь к животу, ощутив знакомый приступ тошноты. У нее закружилась голова, и ей захотелось выбежать из кабинета до того, как детектив откроет коробку.

– Прошу вас, – сказал Саймон, – садитесь.

Андерсон поставил коробку на письменный стол Саймона. Кейт заметила, что упаковочный скотч надрезан.

– Я уже видел, что внутри, – сказал детектив. – Но хочу чтобы вы оба посмотрели.

– Да, конечно, – кивнул Саймон и встал.

– Только посмотрите, руками не трогайте, – предупредил Андерсон.

Он снял крышку с коробки. Кейт ахнула и в отвращении отшатнулась, прижав ладонь к губам. Внутри лежали три маленькие черные птички, нанизанные на металлический шампур. У всех трех было перерезано горлышко.

– Что же за псих, что за ублюдок этим занимается? – проревел Саймон, резко отодвинув коробку к детективу Андерсону.

– Птиц, по всей вероятности, приобрели в зоомагазине – там же, где купили мышей, – сказал детектив. – Это длиннохвостые попугайчики. Их обрызгали черной краской из баллончика.

У Кейт кровь застучала в висках. Она попятилась назад от стола. Она вся тряслась от ужаса, который вскоре превратился в гнев.

– Почему вы не предупредили нас? Чтобы сильнее напугать? Посмотреть, как мы будем реагировать? – И тут ее вдруг озарило: – Вы считаете, что мы что-то скрываем от вас?

В глазах Андерсона она не увидела сострадания. Только подозрительность.

– Идет расследование, – спокойно ответил он. – Я действую согласно протоколу. У вас есть хоть малейшее предположение, кто это мог сделать?

– Конечно же нет.

Детектив закрыл коробку крышкой, вытащил из папки с документами пластиковый файл и протянул его Кейт:

– Вот это лежало поверх птиц.

Внутри прозрачного файла находился простой белый лист бумаги, на котором, как и в предыдущей записке, находилась напечатанная на принтере записка.

Спой песню про шесть пенсов
И пригоршню зерна,
Про трех дроздов, которым
Кормушка не нужна.

Коробочку откроешь,
А птички-то мертвы.
Подобного подарка

Вовек не знали вы²⁵.

– Опять эти жуткие детские стишки, – прошептала Кейт и протянула записку Саймону. Страшные слова зазвучали у нее в мозгу песенкой. Она согнулась в поясе. Тошнота и головокружение вынудили ее схватиться за край стола.

Детектив Андерсон взял записку и убрал в сумку:

– Убийца явно хочет вас помучить, поиздеваться над вами. Поверьте моему опыту: я бы сказал, что это кто-то из ваших знакомых, но при этом кто-то такой, кого вы не слишком хорошо знаете. Кто-то с периферии вашей жизни.

– Почему вы так думаете? – спросила Кейт.

– Мы знаем, что ограбления не было. Ничего ценного не пропало. Ваш отец утверждает, что исчез только браслет, который ваша мать носила постоянно. Если бы кто-то проник в дом с целью ограбления, взяли бы наверняка больше.

Кейт обдумала слова детектива.

– Значит, вы считаете, что кто-то убил ее намеренно, чтобы...

Саймон не дал ей получить ответ:

– Как продвигается расследование? У вас есть подозреваемые?

– На данный момент мы подозреваем всех.

Саймон громко вздохнул:

– Мне бы хотелось больше подробностей. К примеру, краткий список подозреваемых с описанием алиби. Что-нибудь в этом роде.

Он сам, Кейт и Харрисон, а также все помощники по дому предоставили полиции подробные описания своих алиби на протяжении дней непосредственно после убийства.

– Мистер Инглиш. У нас не принято делиться деталями расследования, потому что это может навредить нашей работе. Заверяю вас, мы во всем разбираемся очень старательно.

Наступила пауза. Она тянулась довольно долго, и прервал ее детектив Андерсон:

– Еще раз: если есть еще что-то, что вы могли бы мне сообщить, то сейчас для этого самое время.

Кейт посмотрела на Саймона и поискала в его глазах поддержки, но он был так бледен и скован, что она поняла: он напуган не меньше нее.

– Вам удалось выяснить, кто отправил эсэмэс моей жене? – в итоге выдал Саймон.

Андерсон покачал головой:

– Нет. Это нужно делать в реальном времени. Но если будет отправлено еще одно сообщение, его мы отследить сможем. Кроме того, я связался с психологическим отделом ФБР. Напишу им подробный отчет. Посмотрим, не смогут ли они сделать из этого какие-то выводы. Ждать, быть может, придется долго, но оно того стоит.

Они все вместе подошли к парадной двери.

Детектив Андерсон поджал губы и покачал головой:

– Я понимаю, что вы напуганы. Мы делаем все возможное, чтобы защитить вас и ваших близких, но прошу вас, будьте и сами начеку. Вы уверены, что в последнее время не замечали ничего необычного? Не было ли звонков – таких, что человек молчит и вешает трубку? Не подходили ли к вам незнакомые люди, чтоб узнать дорогу или задать какой-то незначительный вопрос? Не заметили ли вы чего-то странного в больнице, доктор Инглиш, или вы у себя в фирме, мистер Инглиш?

²⁵ Измененные строфы английской детской песенки. В оригинале так: Sing a song of six pence, A pocket full of rye. Four and twenty blackbirds, Baked in a pie. When the pie was opened The birds began to sing; Wasn't that a dainty dish, To set before the king. В переводе С. Маршака стихи выглядят так: Много, много птичек Запекли в пирог: Семьдесят синичек, Сорок семь сорок. Трудно непоседам в тесте усидеть — Птицы за обедом Громко стали петь. Побежали люди В золотой чертог, Королю на блюде Понесли пирог.

Кейт на минуту задумалась, но ничего такого не вспомнила и покачала головой.

– Я тоже ничего такого вспомнить не могу, – признался Саймон.

– Хорошо. Если что-то вспомните или заметите, пожалуйста, сразу сообщите мне. Я предпочитаю получить больше ненужной информации, нежели упустить нечто очень важное.

– Конечно, – в унисон ответили Кейт и Саймон.

Кейт вдруг ощутила жуткую усталость и припала к плечу мужа.

Андерсон еще не успел выйти, когда в прихожую вышла Блер с плачущей Аннабел на руках.

– Простите, что прерываю, – сказала Блер, – но Аннабел зовет маму.

Кейт протянула руки, чтобы взять дочку, а Андерсон обратился к Блер:

– Я детектив Андерсон. А вы, простите?

– Это одна из моих самых старых друзей, Блер Баррингтон, – сказала Кейт. – Она приехала из Нью-Йорка на похороны.

– Не откажетесь ли ответить на несколько вопросов? – спросил Андерсон у Блер.

– Конечно.

Тут встрял Саймон и с показной любезностью про – говорил:

– Можете воспользоваться моим кабинетом.

Блер пошла за Андерсоном к кабинету Саймона.

Кейт посмотрела на мужа.

– Мне по-настоящему страшно, – призналась она. – Кто же может это делать?

Саймон не успел ей ответить – у него зазвонил мобильный. Он поднял палец и посмотрел на экран:

– Прости, я должен ответить.

Кейт была возмущена тем, что Саймон ей не ответил и ушел в глубь прихожей. Кейт сделала глубокий вдох и отвела Аннабел в кухню, где Хильда готовила девочке еду.

– Хильда, вы не могли бы отвести Аннабел в игровую комнату?

– Мамочка, я хочу с тобой.

– Я скоро приду, детка. Мне надо только пару минут поговорить с тетей Блер. Как насчет шоколадки? Специальное угощение за хорошее поведение.

Сказав эти слова, Кейт невольно поморщилась, но порой подкуп становился единственной тактикой в общении с ребенком.

Аннабел все еще дулась, но все же кивнула и взяла Хильду за руку.

Десять минут спустя вернулась Блер.

– Что хотел узнать Андерсон? – спросила Кейт.

– Выяснял, где я находилась в тот вечер, когда убили Лили. Я дала ему номер мобильного моего консьержа и сообщила фамилии соседей. Еще он спросил, счастливы ли, на мой взгляд, вы с Саймоном.

Кейт вздернула брови. На миг у нее мелькнула мысль – не поделилась ли Блер с Андерсоном своим мнением о Саймоне?

– Я ему ответила, что мы некоторое время не общались, поэтому я ничего не знаю о том, какие у вас сейчас отношения. Уверена, он просто пытается увидеть ситуацию с разных сторон. А что у вас тут случилось раньше? Когда я вышла в прихожую, у вас был такой вид, будто вы увидели призрак, – осторожно проговорила Блер.

Кейт изможденно опустилась на стул:

– Как я понимаю, Селби какое-то время назад ушла?

– Да. Не хотела опоздать на массаж. Все в порядке? – с нескрываемой заботой спросила Блер.

Кейт ответила не сразу. Рассказать Блер обо всем, что происходит? Было время, когда она поведала бы подруге все, не раздумывая.

Когда они были школьницами, у Кейт не было секретов от Блер. До ее появления все свои тайны Кейт доверяла дневнику. У нее дома, пока она подрастала, на плохое настроение и проблемы смотрели неодобрительно. По крайней мере, мать и отец свое плохое настроение и свои проблемы старались скрывать. Всякий раз, когда Кейт была чем-то расстроена, Лили всегда старалась ее утешить – так, как это умела Лили. Она обнимала дочку, говорила ей ласковые слова, но при этом не забывала напомнить, как ей невероятно повезло, что она должна быть благодарна за все, что у нее есть, и что жалобы и капризы из-за разных мелочей – это проявление неблагодарности. Когда появилась Блер, многое изменилось. Блер рассказывала Кейт о своей покойной матери, равнодушном отце и ненавистной мачехе. Она делилась с подругой своими сомнениями и волнениями, и мало-помалу Кейт тоже стала раскрывать ей свою душу. Она ощутила себе птицей, выпущенной из клетки. Она была благодарна судьбе за то, что наконец рядом с ней есть кто-то, кто не осудит ее за грусть, злость и другие чувства. Как же радостно было все-все рассказывать Блер.

Всего лишь несколько секунд понадобилось Кейт, чтобы решиться проигнорировать распоряжение Андерсона о секретности.

– Не призрак, – выпалила Кейт. – Но кое-что столь же страшное. Послание от убийцы.

Блер изумленно вытаращила глаза:

– Убийца Лили вам написал?

И тут Кейт будто прорвало. Она обо всем рассказала подруге – о телефонном сообщении с угрозами, о мертвых мышах в раковине ванной комнаты.

– И вот только что он прислал три мертвые черные птицы на шампуре, с запиской, где строчки из слегка переделанной детской песенки про двадцать четыре дрозда.

Блер несколько секунд смотрела на Кейт не мигая.

– Ужас какой! И что думает полиция? Что это может означать?

Кейт покачала головой:

– Они, похоже, понятия не имеют.

– Ну, а планы-то у них есть?

– Они скопировали мой телефон и все компьютеры в доме. Пытаются выяснить, кто послал эсэмэс с угрозами. Всех допросили, забрали все мамины файлы по фонду из офиса и дома. И еще говорили с сотрудниками в больнице и в компании Саймона. Из дома родителей пропал один-единственный предмет – мамин браслет с бриллиантами. Ты помнишь, она его всегда носила. – Кейт потерла руками глаза: начала сказываться усталость. – Возле парадной двери было разбито окно, но это могли сделать позже, чтобы все выглядело как неудавшееся ограбление. На данный момент у детектива есть мнение, что это сделал кто-то из наших знакомых. Либо, по крайней мере, кто-то из знакомых мамы.

Фарфорово-белая кожа Блер стала еще бледнее, чем обычно.

– Увы, я думаю, что ваш детектив прав, – сказала она. – Он вас не просветил насчет подозреваемых?

Кейт покачала головой:

– Он отказывается делиться подробностями, но заверяет нас в том, что проводит расследование предельно тщательно.

– Что ж, похоже на то. Когда он меня допрашивал, он мне сказал, что поговорит не только с моим консьержем, но и с соседом, который меня видел. Думаю, он отличный следователь. А теперь давай попробуем сами немного подумать. Ты была дома, когда тебе позвонил отец, так? А он сам где был?

– Ранее в тот день он был дома, потом вернулся в больницу.

– Так, хорошо. А Саймон?

– Он был на работе. Было поздно, но в этом нет ничего необычного. Он часто задерживается.

– С ним кто-нибудь еще был там?

Кейт постаралась ответить спокойно:

– Еще один архитектор, Сабрина Митчелл.

Ей пока что не хотелось обсуждать с Блер ситуацию с Сабриной.

– А может быть, нам список составить? Подумай обо всех, кто тебе знаком. Это ведь может быть кто угодно. Коллега по работе, клиент, работник, дальний родственник.

Внезапно мысль о том, что злобный психопат может быть кем-то из близких людей, стала для Кейт нестерпимой. Она зажмурилась и замерла, надеясь, что уйдет болезненная тошнота. Чья-то рука прикоснулась к ее колену. Она открыла глаза и увидела, что Блер сидит рядом с ней на корточках.

– Я позвоню Дэниелу и скажу ему, что останусь, чтобы побыть с тобой.

– Нет, нет. Я не могу позволить тебе задерживаться. Не сомневаюсь, он скучает по тебе. И кроме того, Рождество на носу. Ты приехала на поминки, попрощалась с мамой. Для меня это так важно.

– Я хочу побыть с тобой сейчас. Мы с тобой столько лет пропустили. – И Блер протянула Кейт руку.

– Но разве тебе не надо вернуться к работе над книгой?

– Сейчас декабрь. В издательском мире затишье, и Дэниел сейчас может обойтись без меня. Он заканчивает встречи с читателями в последнем из городов нашего турне, а потом мы с ним решили отдохнуть от поездок до января. Я пишу детективный сериал. Может быть, именно здесь мне удастся применить на практике все то, что я насобирала для сочинения детективов. Не хочу никуда уезжать, пока мы не поймаем этого ублюдка.

Услышав эти слова, Кейт испытала неопишемое облегчение. Что бы она сама ни говорила, она была безумно рада, что Блер решила остаться.

– Ты уверена? То есть я-то очень рада, но...

– Уверена. И только попробуй от меня избавиться. – Блер улыбнулась и встала. – А теперь я удалюсь. Тебе надо отдохнуть. Позвони мне, если что-то понадобится. В любое время. Я тут ради тебя.

Кейт крепко сжала руку подруги и не отпускала, пока они шли к выходу из дома.

– Спасибо тебе, – сказала она, обняв Блер, а потом проводила ее взглядом.

Блер спустилась с крыльца и пошла к своей спортивной машине.

Кейт запрокинула голову и выгнула спину. Ей так хотелось избавиться от боли в позвоночнике. Нужно было пробежаться, чтобы стряхнуть тревогу, грозившую поглотить ее целиком. Она пошла в спальню, переоделась и достала из шкафа кроссовки. Затем она отправила эсэмэс начальнику наружной охраны дома. В ответном эсэмэс ей сообщили, что на пробежке ее будет сопровождать Алан. Насчет того, что охранник от нее отстанет, переживать не приходилось – Саймон заверил Кейт в том, что все охранники либо бывшие военные, либо они прошли мощную подготовку по боевым искусствам и обращению с оружием.

Когда Кейт спустилась вниз, Алан уже ждал ее у выхода из дома. Было еще не поздно – половина пятого вечера, – но солнце садилось, и начало подмораживать. Кейт засунула в уши маленькие наушники, но Алан подошел ближе к ней и сказал:

– Прошу прощения, мэм. Лучше бы вам этого не делать. Мне нужно, чтобы вы меня услышали, если мне понадобится вас предупредить.

Кейт застонала. Как же она будет совершать пробежку без музыки?

– Оставлю один наушник, – заявила она.

Охранник был готов возразить, но Кейт уже сорвалась с места и побежала под звуки «Sweet Child of Mine»²⁶ в левом ухе. Почти сразу она почувствовала, как отступает напряжение – по мере того, как входила в ритм и набирала темп. Она не думала ни о чем, кроме асфальта под ногами, своих ступней, касавшихся тротуара, и холодного ветра, обжигавшего щеки. Ей хотелось бежать и бежать, и забыться, и не думать обо всех страхах и горестях, оставить все это позади. Сердце у нее стучало так часто, что казалось, будто грудная клетка того и гляди расколется надвое. Кейт понимала, что бежит слишком быстро. Было так приятно ощущать себя летящей вперед, но все же стоило замедлить ход, и мало-помалу Кейт сбавила скорость и прижала руку к груди.

Пробежав по улице, она повернула к небольшому пруду, вокруг которого шла мощеная дорожка. Сегодня здесь были и другие бегуны. Кейт обернулась, чтобы убедиться, что Алан бежит за ней. Он едва заметно помахал ей. При этом Кейт заметила позади Алана еще одного бегуна в черном спортивном костюме. Она знала, что Алан следует за ней, но что, если этот человек нагонит ее раньше, чем с ним поравняется Алан? Кейт заставила себя снова бежать быстрее и старалась дышать в такт с бегом. На бегу она бросила взгляд назад и заметила, что человек в черном ее нагоняет. Кейт давно не занималась спринтерскими тренировками, но неожиданно для самой себя перешла на спринт. Огибая встречных пешеходов и обгоняя других бегунов, она набирала скорость. Подошвы кроссовок стучали по мостовой. Кейт поравнялась с тем местом, где дорожка делала поворот, резко остановилась и повернулась на сто восемьдесят градусов. Мужчина в черном бежал к ней и смотрел ей в глаза. Теперь он находился между ней и Аланом. Ну точно, он бежал за ней не просто так, ведь он прибавил скорость и бежал намного быстрее, чем только что бежала она.

Знала ли она его? Выглядел он знакомо. Может быть, она просто-напросто видела его во время одной из своих пробежек? А может быть, он был ей знаком по каким-то другим делам. Конечно, может быть, он и был убийцей...

Кейт инстинктивно выставила руки перед собой, чтобы оттолкнуть бегуна. У нее закружилась голова. Когда с ней поравняется Алан, может оказаться слишком поздно. Крик взлетал вверх по горлу Кейт и был готов сорваться с ее губ, и в это самое мгновение мужчина в черном спортивном костюме проскочил мимо нее на полной скорости. Кейт испытала облегчение такой силы, что у нее подкосились колени. Она наклонилась вперед и обхватила пальцами бедра, вдыхая воздух мощными глотками.

Ей нужно было вернуться домой. Она была слишком сильно измождена.

Алан подбежал к ней. У него был встревоженный вид.

– Давайте вернемся. Вы сможете держаться рядом со мной?

Кейт ненавидела себя за то, что стала так слаба.

– Конечно, – ответил Алан сдержанно.

Когда они возвратились домой, Кейт взбежала вверх по лестнице и включила душ. Ожидая, пока вода прогреется, она положила свой мобильник на тумбочку. В этот самый момент загорелся экран и прозвучал сигнал текстового сообщения.

Сообщение с неизвестного номера.

У Кейт сразу учащенно забилось сердце. Она сделала глубокий вдох, взяла телефон и прочла:

Как тебе мои подарочки? Мертвые мышки. Мертвые птички. Мертвая Кейт?

²⁶ «Sweet Child of Mine» (в переводе с англ. – «Моя милая малышка») – третий сингл американской рок-группы «Guns N' Roses», выпущенный в 1987 году в их дебютном альбоме «Appetite for Destruction».

– Хватит! – прокричала Кейт, глядя на экран мобильного.

Слезы залили ее глаза. Она вбежала в спальню, взяла трубку городского телефона и набрала номер Андерсона. Тот ответил после первого же гудка.

– Знаю, – сказал он без лишних слов. – Мы засекли IP-адрес и уже едем туда.

– Вы определили, откуда было отправлено сообщение? – тяжело дыша, спросила Кейт.

– Из кафе «Старбакс» на Йорк-роуд. Позвоню вам сразу же, как только узнаю что-то еще.

По крайней мере, Кейт стало ясно, что убийца находится в нескольких милях от нее, а не в непосредственной близости. И вот теперь его нашли. Кейт испытала несказанное облегчение. Этого психа поймают, и она снова сможет дышать спокойно. Стоя под душем, она убеждала себя в том, что все будет хорошо. Андерсон разыщет того, кто этим занимается, и засадит за решетку. Кейт сушила волосы феном, когда зазвонил телефон. Это был Андерсон.

– Вы его задержали?

Детектив кашлянул.

– К тому времени как мы приехали, телефон уже успели выключить. Отправитель эсэмэс скрылся. Нам известно, что был использован какой-то текстовый мессенджер, работающий через wi-fi. Нам удалось вычислить IP-адрес телефона, он находился в этом самом кафе «Старбакс». Но когда телефон выключен, засечь его мы не можем.

– А вы там всех допросили? Может быть, этот человек до сих пор там.

– Допросили. В кафе было много народа, но никто ничего необычного не заметил. Мне очень жаль. Мы проверим записи с видеокamer – посмотрим, не заметим ли чего-то подозрительного. Камеры тут повсюду. Но конечно, если эсэмэс отправили, находясь в туалете, то нам не повезло.

Разочарование Кейт не поддавалось описанию. В отчаянии она положила трубку. Кто бы этим ни занимался, он был умен и хитер. И может быть, такого хитреца поймать было невозможно.

Глава восьмая

Сегодняшний вечер был очень важен для Кейт, Блер об этом знала. Ежегодный сбор пожертвований для Детского кардиологического фонда. Раньше это мероприятие планировали провести в доме Кейт и Саймона. Но Кейт была просто не в состоянии кого-либо принимать у себя в доме, да и выбраться в свет она тоже не могла. И когда Селби проявила инициативу и предложила предоставить для сбора пожертвований свой дом, Кейт попросила Блер пойти туда вместо нее. Блер не сомневалась, что Селби это не понравится, но согласилась без раздумий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.